Красота въ природѣ.

Красота спасетъ міръ.
Достоевскій.

Странно кажется возлагать на красоту спасеніе міра, когда приходится спасать саму красоту отъ художественныхъ и критическихъ опытовъ, старающихся замѣнить идеально-прекрасное реально-безобразнымъ. Но если не смущаться грубыми, а иногда и совсѣмъ нелѣпыми выраженіями новѣйшаго эстетическаго реализма (и утилитаризма), а вникнуть въ существенный смыслъ его требованій, то въ нихъ именно и окажется безотчетное и противорѣчивое, но тѣмъ болѣе дорогое признаніе за красотою мірового значенія: ея кажущіеся гонители усвояютъ ей какъ разъ эту самую задачу спасать міръ. Чистое искусство или искусство для искусства отвергается какъ праздная забава; идеальная красота презирается, какъ произвольная и пустая прикраса дѣйствительности. Значитъ требуется, чтобы настоящее художество было *важнымъ дѣломъ*, значитъ признается за истинною красотою способность глубоко и сильно воздѣйствовать на реальный міръ. Освободивши требованія новыхъ эстетиковъ (реалистовъ и утилитаристовъ) отъ логическихъ противорѣчій, въ которыя они обыкновенно запу-

тываются, и сводя эти требованія къ одному, мы получимъ такую формулу: эстетически прекрасное должно вести къ *реальному улучшенію дѣйствительности.* Требованіе вполнѣ справедливое; и вообще говоря, отъ него никогда не отказывалось и идеальное искусство, его признавали и старые эстетики. Такъ, напримѣръ, древняя трагедія, по объясненію Аристотеля (въ его „Поэтикѣ"), должна была производить дѣйствительное улучшеніе души человѣческой чрезъ ея очищеніе (κάθαρσις). Подобное-же реально-нравственное дѣйствіе приписываетъ Платонъ (въ „Республикѣ") нѣкоторымъ родамъ музыки и лирики, укрѣпляющимъ мужественный духъ. Съ другой стороны, художественная пластика, помимо своего эстетическаго вліянія на душу, представляетъ еще хотя весьма незначительное, поверхностное и частичное, но все-таки реальное, прямое и пребывающее воздѣйствіе на внѣшнюю вещественную природу,—на матеріалъ, изъ котораго это искусство создаетъ свои произведенія. Прекрасная статуя по отношенію къ простому куску мрамора есть безспорно новый реальный предметъ и притомъ лучшій, болѣе совершенный (въ объективномъ смыслѣ), какъ болѣе сложный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обособленный. Если въ этомъ случаѣ улучшающее дѣйствіе художества на матеріальный предметъ имѣетъ характеръ чисто-внѣшній, нисколько не измѣняющій существенныхъ свойствъ самой вещи, то нѣтъ однако никакихъ основаній утверждать, что такой поверхностный образъ дѣйствія долженъ непремѣнно принадлежать искусству вообще, всегда и во всѣхъ его видахъ. Напротивъ, мы имѣемъ полное право думать, что воздѣйствіе художества какъ на природу вещей, такъ и на душу человѣческую допускаетъ различныя степени, можетъ быть болѣе или менѣе глубокимъ и сильнымъ.

Но, во всякомъ случаѣ, какъ-бы слабо ни было это двоякое дѣйствіе художника, онъ все-таки производитъ нѣкоторые новые предметы и состоянія, нѣкоторую новую прекрасную дѣйствительность, которой безъ него вовсе-бы не было. Эта прекрасная дѣйствительность или эта осуществ-

ленная красота составляетъ лишь весьма незначительную и немощную часть всей нашей далеко не прекрасной дѣйствительности. Въ человѣческой жизни художественная красота есть только символъ лучшей надежды, минутная радуга на темномъ фонѣ нашего хаотическаго существованія. Противъ этой-то недостаточности художественной красоты, противъ этого поверхностнаго ея характера и возстаютъ противники чистаго искусства. Они отвергаютъ его не за то, что оно слишкомъ возвышенно, а за то, что оно не довольно реально, т. е. что оно не въ состояніи овладѣть всею нашею дѣйствительностью, преобразовать ее, сдѣлать всецѣло прекрасною. Быть-можетъ, сами не ясно это сознавая, они требуютъ отъ искусства гораздо бо́льшаго, чѣмъ то, что оно до сихъ поръ давало и даетъ. Въ этомъ они правы, ибо ограниченность наличнаго художественнаго творчества, эта призрачность идеальной красоты выражаетъ только несовершенную степень въ развитіи человѣческаго искусства, а никакъ не вытекаетъ изъ самой его сущности. Было-бы явною ошибкой считать существующіе нынѣ способы и предѣлы художественнаго дѣйствія за окончательные и безусловно обязательные. Какъ и все человѣческое, художество есть текущее явленіе, и быть-можетъ въ нашихъ рукахъ только отрывочные начатки истиннаго искусства. Пускай сама красота неизмѣнна; но объемъ и сила ея осуществленія въ видѣ прекрасной дѣйствительности имѣютъ множество степеней, и нѣтъ никакого основанія для мыслящаго духа окончательно останавливаться на той ступени, которой мы успѣли достигнуть въ настоящую историческую минуту, хотя-бы эта минута и продолжалась уже тысячелѣтія.

Имѣя въ виду философскую теорію красоты и искусства, слѣдуетъ помнить, что всякая такая теорія, объясняя свой предметъ въ его настоящемъ видѣ, должна открывать для него широкіе горизонты будущаго. Безплодна та теорія, которая только подмѣчаетъ и обобщаетъ въ отвлеченныхъ формулахъ фактическую связь явленій: это—простая эмпи-

рія, лишь одною степенью возвышающаяся надъ мудростью народныхъ примѣтъ. Истинно-философская теорія, понимая смыслъ факта, т. е. его соотношеніе со всѣмъ, что ему сродно, тѣмъ самымъ связываетъ этотъ фактъ съ неопредѣленно восходящимъ рядомъ новыхъ фактовъ, и какою-бы смѣлою ни казалась намъ такая теорія, въ ней нѣтъ ничего произвольнаго и фантастическаго, если только ея широкія построенія основаны на подлинной сущности предмета, открытой разумомъ въ данномъ явленіи или фазѣ этого предмета. Ибо сущность его необходимо больше и глубже даннаго явленія, и слѣдовательно по необходимости-же она есть источникъ новыхъ явленій все болѣе и болѣе ее выражающихъ, или осуществляющихъ.

Но во всякомъ случаѣ сущность красоты должна быть прежде всего понята въ ея дѣйствительныхъ наличныхъ явленіяхъ. Изъ двухъ областей прекрасныхъ явленій,—природы и искусства, мы начнемъ съ той, которая шире по объему, проще по содержанію и естественно (въ порядкѣ бытія) предшествуетъ другой. Эстетика природы дастъ намъ необходимыя основанія для философіи искусства.

I.

Алмазъ, т.-е. кристализованный углеродъ, по химическому составу своему есть то-же самое, что обыкновенный уголь. Несомнѣнно также, что пѣніе соловья и неистовые крики влюбленнаго кота, по психо-физіологической основѣ своей суть одно и то-же, именно звуковое выраженіе усиленнаго полового инстинкта. Но алмазъ красивъ и дорого цѣнится за свою красоту, тогда какъ и самый невзыскательный дикарь врядъ-ли захочетъ употребить кусокъ угля въ видѣ украшенія. И между тѣмъ какъ соловьиное пѣніе всегда и вездѣ почиталось за одно изъ проявленій прекраснаго въ природѣ, кошачья музыка, не менѣе ярко выражающая тотъ-же самый душевно-тѣлесный мотивъ, нигдѣ, никогда и никому не доставляла эстетическаго наслажденія.

Изъ этихъ элементарныхъ примѣровъ уже явствуетъ,

что красота есть нѣчто формально-особенное, специфическое, отъ матеріальной основы явленій прямо не зависящее и на нее не сводимое. Независимая отъ матеріальной подкладки предметовъ и явленій, красота не обусловлена также и ихъ субъективною оцѣнкою по той житейской пользѣ и той чувственной пріятности, которую они могутъ намъ доставлять. Что самые прекрасные предметы бываютъ совершенно безполезны въ смыслѣ удовлетворенія житейскихъ нуждъ и что, наоборотъ, вещи наиболѣе полезныя бываютъ вовсе некрасивы—это, конечно, не требуетъ доказательства; но нельзя обойти ту теорію, которая *косвенно* опредѣляетъ красоту пользою. А именно она утверждаетъ, что красота есть переставшая дѣйствовать полезность, или воспоминаніе о прежней пользѣ. То, что было полезно для предковъ, становится украшеніемъ для потомковъ. При смѣломъ примѣненіи дарвинизма можно распространять это понятіе о *прежней* пользѣ очень далеко, и за предковъ нашихъ считать не только обезьянъ или тюленей, но пожалуй даже и устрицъ. Въ этой теоріи превращенія полезнаго въ прекрасное есть доля фактической истины, и намъ нѣтъ надобности ее отвергать. Несомнѣнно только, что она совершенно недостаточна въ смыслѣ философскаго объясненія или существеннаго опредѣленія красоты.

Далѣе мы увидимъ, что и на низшихъ ступеняхъ духовнаго развитія (въ мірѣ животномъ) красота имѣетъ объективное значеніе помимо всякаго утилитарнаго отношенія. Но хотя и была-бы доказана *генетическая* зависимость прекраснаго отъ полезнаго, этимъ нисколько не рѣшается *эстетическая* задача. Несомнѣнно, что всѣ значительныя явленія прекраснаго въ природѣ и искусствѣ не связаны ни съ какою практическою пользой для насъ или для нашихъ хотя бы самыхъ отдаленныхъ предковъ. А въ такомъ случаѣ возможная матеріальная полезность тѣхъ первичныхъ элементовъ, на которые мы разлагаемъ прекрасныя явленія, такъ-же мало имѣетъ значенія для эстетики, какъ для не-

посредственнаго чувства красоты безразличенъ тотъ фактъ, что самое прекрасное человѣческое тѣло произошло изъ безобразнаго эмбріона.

Вопросъ о томъ: *что есть* извѣстный предметъ?—никогда не совпадаетъ съ вопросомъ: *изъ чего* или откуда *произошелъ* этотъ предметъ? Вопросъ о происхожденіи эстетическихъ чувствъ принадлежитъ къ области біологіи и психо-физіологіи; но этимъ нисколько не рѣшается и даже не затрогивается эстетическій вопросъ о томъ: что̀ есть красота. Въ порядкѣ генетическомъ такъ-называемыя „каменныя бабы“ несомнѣнно предшествуютъ греческимъ статуямъ. Но неужели указаніе на эти безобразныя произведенія поможетъ намъ уразумѣть эстетическую сущность Венеры Милосской?... Несомнѣнно, что въ генетическомъ смыслѣ всѣ наши чувства, не исключая и высшихъ: зрѣнія и слуха — суть лишь дифференціаціи осязанія. Неужели этимъ отнимается самостоятельное значеніе у оптики и акустики? Разложеніе эстетическихъ явленій на первичные элементы, имѣющіе свойство полезности или пріятности, можетъ быть очень интересно; но настоящая теорія прекраснаго есть та, которая имѣетъ въ виду собственную сущность красоты во всѣхъ ея явленіяхъ, какъ простыхъ, такъ и сложныхъ. Какъ органическая химія, при всей своей важности для біолога, не можетъ однако замѣнить ему собственно ботаническихъ и зоологическихъ изслѣдованій, такъ и психо-физіологическій анализъ эстетическихъ явленій никогда не получитъ значенія настоящей эстетики *).

---

*) См. „Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты. Психо-физіологическій этюдъ“ *Л. Е. Оболенскаго.* С.-ПБ. 1878 г. Болѣе притязательно, но за то и менѣе основательно сочиненіе г. Вл. Велямовича—„Психо-физіологическія основанія эстетики. Сущность искусства, его соціальное значеніе и отношеніе къ наукѣ и нравственности. (Новый опытъ философіи искусствъ)“. Часть первая и вторая. С.-ПБ. 1878 г. Какъ единственный въ русской литературѣ опытъ систематической эстетики, эта книга заслуживаетъ упоминанія, но впрочемъ не нуждается въ критикѣ.

Каковы-бы ни были ея матеріальные элементы, формальная красота всегда заявляетъ себя какъ чистая безполезность. Однако эта чистая безполезность высоко цѣнится человѣкомъ и, какъ увидимъ далѣе, не человѣкомъ только. И если она не можетъ цѣниться какъ средство для удовлетворенія тѣхъ или другихъ житейскихъ или физіологическихъ потребностей, то значитъ она цѣнится какъ цѣль сама въ себѣ. Въ красотѣ—даже при самыхъ простыхъ и первичныхъ ея проявленіяхъ—мы встрѣчаемся съ чѣмъ-то *безусловно-цѣннымъ*, что существуетъ не ради другого, а ради самого себя, что самымъ существованіемъ своимъ радуетъ и удовлетворяетъ нашу душу, которая на красотѣ успокоивается и освобождается отъ жизненныхъ стремленій и трудовъ.

Это древне-греческое понятіе о красотѣ, какъ предметѣ безстрастнаго, безкорыстнаго и безвольнаго созерцанія, или проще какъ о чистой безполезности, въ недавнее время было возобновлено и распространено послѣднимъ представителемъ великой германской философіи. Впрочемъ, все, что Шопенгауэръ такъ хорошо и вѣрно говоритъ на эту тему есть въ сущности не болѣе какъ философскій комментарій на извѣстное двустишіе, мимоходомъ брошенное Гёте:

Die Sterne die begehrt man nicht
Man freut sich ihrer Pracht.

Нѣтъ надобности долго останавливаться на этой сторонѣ дѣла, вопервыхъ потому, что она исчерпана франкфуртскимъ мыслителемъ, а вовторыхъ потому, что она сама далеко не исчерпываетъ вопроса о красотѣ. Сказать, что красота есть предметъ безкорыстнаго созерцанія, или цѣль сама въ себѣ, значитъ только сказать, что она не есть средство для постороннихъ цѣлей: опредѣленіе совершенно вѣрное, но чисто-отрицательное и безсодержательное. Какъ ни важно для мыслителя свойство безволія и безкорыстности присущее всякой чисто-эстетической оцѣнкѣ, но еще важнѣе и интереснѣе для него вопросъ о собствен-

ной положительной сущности красоты; и не даромъ геніальный поэтъ къ своему отрицательному указанію: die Sterne die begehrt man *nicht* — прибавилъ и положительное: man freut sich ihrer *Pracht*. Въ чемъ-же собственно состоитъ эта Pracht во всякомъ прекрасномъ предметѣ — вотъ что главнымъ образомъ должна рѣшить философская эстетика. Какъ цѣль сама въ себѣ, красота ничему служить не можетъ,—въ практическомъ и житейскомъ смыслѣ она есть чистая безполезность; но этимъ нисколько не устраняется вопросъ о независимомъ содержаніи самой этой цѣли: за что, за какое свое собственное внутреннее свойство цѣнится эта чистая безполезность?

Намекъ, но только намекъ на истину находимъ мы въ извѣстномъ ученіи, по которому существенное содержаніе красоты составляютъ идеи (вѣчные типы вещей), какъ предметныя выраженія (объективаціи) міровой воли. Настоящаго отвѣта на эстетическій вопросъ здѣсь нѣтъ—потому, что для этой теоріи все существующее одинаково есть объективація міровой воли, а между тѣмъ не все существующее одинаково красиво. Взглядъ, который логически вынуждается признать какую-нибудь глисту столь-же прекрасною, какъ Елену на стѣнахъ Трои, самъ себя убиваетъ въ смыслѣ эстетической доктрины. Существуютъ отвлеченно-метафизическія точки зрѣнія несовмѣстимыя съ признаніемъ разницы между добромъ и зломъ, между красотою и безобразіемъ; но, становясь на такія точки зрѣнія, лучше уже вовсе не разсуждать о нравственныхъ и эстетическихъ предметахъ.

II.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ отвлеченную метафизику, обратимся опять къ тѣмъ дѣйствительнымъ примѣрамъ прекраснаго въ природѣ, съ которыхъ началось наше разсужденіе. Красота алмаза, нисколько не свойственная его веществу (ибо это вещество то-же самое, что и въ некрасивомъ кускѣ каменнаго угля), очевидно зависитъ отъ игры

свѣтовыхъ лучей въ его кристаллахъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы свойство красоты принадлежало не самому алмазу, а преломленному въ немъ лучу свѣта. Ибо тотъ-же свѣтовой лучъ, отраженный какимъ-нибудь некрасивымъ предметомъ, никакого эстетическаго впечатлѣнія не производитъ, а если онъ ничѣмъ не отраженъ и не преломленъ, то и вовсе никакого впечатлѣнія не получается. Значитъ красота, не принадлежащая ни матеріальному тѣлу алмаза, ни преломленному въ немъ свѣтовому лучу, есть произведеніе обоихъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Игра свѣта, задержаннаго и видоизмѣненнаго этимъ тѣломъ, закрываетъ совершенно его грубо-вещественную видимость, и хотя темная матерія углерода присутствуетъ здѣсь, какъ и въ углѣ, но лишь въ видѣ носительницы другого, свѣтового начала, раскрывающаго въ этой игрѣ цвѣтовъ свое собственное содержаніе. Свѣтовой лучъ когда падаетъ на кусокъ угля, то поглощается его веществомъ, и черный цвѣтъ сего послѣдняго есть натуральный символъ того, что здѣсь свѣтлая сила не одолѣла темныхъ стихій природы. Съ другой стороны, если мы возьмемъ напримѣръ простое прозрачное стекло, то здѣсь вещество превратилось въ безразличную среду для свѣтовыхъ лучей, пропускающую ихъ безъ всякаго видоизмѣненія, не оказывающую на нихъ никакого замѣтнаго воздѣйствія; и несомнѣнно, что отъ этихъ двухъ противуположныхъ между собою явленій результатъ въ занимающемъ насъ отношеніи получается одинъ и тотъ-же, и именно отрицательный: простое бѣлое стекло, также какъ и черный уголь, не принадлежитъ къ числу прекрасныхъ явленій, никакого эстетическаго значенія не имѣетъ. И если такое значеніе (въ элементарной степени) безспорно принадлежитъ алмазу, то это очевидно потому, что въ немъ ни темное вещество, ни свѣтовое начало не пользуются одностороннимъ преобладаніемъ, а взаимно проникаютъ другъ друга въ нѣкоторомъ идеальномъ равновѣсіи. Здѣсь съ одной стороны матерія углерода, сохраняя всю силу своего сопротивленія (какъ твердое тѣло),

опредѣлилась однако-же противуположнымъ въ себѣ самой, ставши прозрачною, вполнѣ просвѣтленною, невидимою въ своей темной особности; а съ другой стороны свѣтовой лучъ, задержанный кристаллическимъ тѣломъ алмаза, въ немъ и отъ него получаетъ новую полноту феноменальнаго бытія, преломляясь разлагается или расчленяется въ каждой грани на составные цвѣта, изъ простого бѣлаго луча превращается въ сложное собраніе многоцвѣтныхъ спектровъ и въ этомъ новомъ видѣ отражается нашему глазу. Въ этомъ несліянномъ и нераздѣльномъ соединеніи вещества и свѣта оба сохраняютъ свою природу, но ни то, ни другое не видно въ своей отдѣльности, а видна одна свѣтоносная матерія и воплощенный свѣтъ,—просвѣтленный уголь и окаменѣвшая радуга.

Невозможно, да и нѣтъ намъ никакой надобности утверждать безусловную противоположность между свѣтомъ и матеріей въ ихъ метафизической субстанціи и въ ихъ физической дѣйствительности. Нельзя признавать свѣтъ (какъ это дѣлаетъ напримѣръ Шопенгауэръ) за какую-то чисто-идеальную сущность, а равно и въ матеріи нельзя видѣть голую вещь в себѣ, безусловно лишенную всѣхъ идеальныхъ опредѣленій и совершенно независимую отъ духовныхъ началъ. Но какъ-бы кто ни философствовалъ о существѣ вещей, а равно и какихъ-бы кто ни держался физическихъ теорій объ атомахъ, эѳирѣ и движеніи, для нашей эстетической задачи вполнѣ достаточно той относительной и феноменальной противуположности, которая несомнѣнно существуетъ между свѣтомъ и вѣсомыми тѣлами, какъ таковыми. Въ этомъ смыслѣ свѣтъ есть во всякомъ случаѣ сверхматеріальный, идеальный дѣятель. Итакъ, видя, что красота алмаза всецѣло зависитъ отъ просвѣтленія его вещества, задерживающаго въ себѣ и расчленяющаго (развивающаго) свѣтовые лучи, мы должны опредѣлить красоту какъ *преображеніе матеріи чрезъ воплощеніе въ ней другого, сверхматеріальнаго начала.* Далѣе придется углублять и наполнять содержаніемъ это опредѣленіе; но сущность его останется

неизмѣнною при разсмотрѣніи самыхъ сложныхъ проявленій прекраснаго не только въ природѣ, но и въ искусствѣ.

И прежде всего это понятіе о красотѣ, составленное на основаніи элементарнаго примѣра прекрасныхъ зрительныхъ явленій въ природѣ, вполнѣ подтверждается нашимъ элементарнымъ *звуковымъ* примѣромъ. Какъ въ алмазѣ вѣсомое и темное вещество углерода облеклось въ лучезарное свѣтовое явленіе, такъ въ пѣніи соловья матеріальный половой инстинктъ облекается въ форму стройныхъ звуковъ. Въ этомъ случаѣ объективное звуковое выраженіе половой страсти совершенно закрываетъ ея матеріальную основу, оно пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе и можетъ быть отвлечено отъ своего ближайшаго физіологическаго мотива: можно слушать поющую птицу и получать эстетическое впечатлѣніе отъ ея пѣнія, совершенно забывая о томъ, что̀ побуждаетъ ее пѣть; точно также какъ любуясь блескомъ бриллианта, мы не имѣемъ надобности думать о его химическомъ веществѣ. Но, на самомъ дѣлѣ, какъ для алмаза необходимо быть кристаллизованнымъ углеродомъ, такъ для соловьиной пѣсни необходимо быть выраженіемъ полового влеченія, отчасти перешедшаго въ объективную звуковую форму. Эта пѣсня есть преображеніе полового инстинкта, освобожденіе его отъ грубаго физіологическаго факта, — это есть животный половой инстинктъ, воплощающій въ себѣ *идею любви*, между тѣмъ какъ крики влюбленнаго кота на крышѣ суть лишь прямое выраженіе физіологическаго аффекта, не владѣющаго собою. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ всецѣло преобладаетъ матеріальный мотивъ, тогда какъ въ первомъ онъ уравновѣшенъ идеальною формой.

Такимъ образомъ и въ нашемъ звуковомъ примѣрѣ красота оказывается результатомъ взаимодѣйствія и взаимнаго проникновенія двухъ производителей: и здѣсь, какъ въ зрительномъ примѣрѣ, идеальное начало овладѣваетъ вещественнымъ фактомъ, воплощается въ немъ и съ своей стороны матеріальная стихія, воплощая въ себѣ идеальное содержаніе, тѣмъ самымъ преображается и просвѣтляется.

Красота есть дѣйствительный фактъ, произведеніе реальныхъ естественныхъ процессовъ, совершающихся въ мірѣ. Гдѣ вѣсомое вещество преобразуется въ свѣтоносныя тѣла, гдѣ неистовое стремленіе къ осязательному животному акту превращается въ рядъ стройныхъ и мѣрныхъ звуковъ,—тамъ мы имѣемъ красоту въ природѣ. Она отсутствуетъ вездѣ, гдѣ матеріальныя стихіи міра являются болѣе или менѣе *обнаженными*,—будь то въ мірѣ неорганическомъ, какъ грубое безформенное вещество, будь то въ мірѣ живыхъ организмовъ, какъ неистовый жизненный инстинктъ. Впрочемъ въ неорганическомъ мірѣ тѣ предметы и явленія, которые некрасивы, не становятся чрезъ это безобразными, а остаются просто безразличными въ эстетическомъ отношеніи. Куча песку или булыжнику, обнаженная почва, безформенныя сѣрыя облака, изливающія мелкій дождь,—все это въ природѣ хотя и лишено красоты, но не имѣетъ въ себѣ и ничего положительно-отвратительнаго. Причина ясна: въ явленіяхъ этого порядка міровая жизнь находится на низшихъ элементарныхъ ступеняхъ, она малосодержательна, и матеріальному началу не на чемъ проявить безмѣрность своего сопротивленія; оно здѣсь сравнительно въ своей области и пользуется спокойнымъ обладаніемъ своего скуднаго бытія. Но тамъ, гдѣ свѣтъ и жизнь уже овладѣли матеріей, гдѣ всемірный смыслъ уже сталъ раскрывать свою внутреннюю полноту, тамъ несдержанное проявленіе хаотическаго начала, снова разбивающаго или подавляющаго идеальную форму, естественно должно производить рѣзкое впечатлѣніе безобразія. И чѣмъ на высшей ступени мірового развитія проявляется вновь обнаженность и неистовость матеріальной стихіи, тѣмъ отвратительнѣе такія проявленія. Въ животномъ царствѣ мы уже встрѣчаемъ крупные примѣры настоящаго безобразія. Здѣсь есть цѣлые отдѣлы существъ, которыя представляютъ лишь голое воплощеніе одной изъ матеріальныхъ жизненныхъ функцій—половой, или питательной. Таковы съ одной стороны нѣкоторые внутренностные черви (глисты), все тѣло которыхъ есть

не что иное какъ мѣшокъ самаго элементарнаго строенія, заключающій въ себѣ одни только половые органы, напротивъ весьма развитые. Съ другой стороны червеобразныя личинки насѣкомыхъ (гусеницы и т. п.) суть какъ-бы одинъ воплощенный инстинктъ питанія во всей его ненасытности; то-же до извѣстной степени можно сказать и объ огромныхъ головоногихъ моллюскахъ (каракатицы). Всѣ названныя животныя несомнѣнно безобразны. Но крайней степени безобразіе достигаетъ лишь въ области высшей и совершеннѣйшей природной формы: никакое животное не можетъ быть такъ отвратительно, какъ очень безобразный человѣкъ.

Существованіемъ безобразныхъ типовъ въ природѣ обличается несостоятельность (или по крайней мѣрѣ недостаточность) того ходячаго эстетическаго взгляда, который видитъ въ красотѣ лишь совершенное наружное выраженіе внутренняго содержанія, безразлично къ тому, въ чемъ состоитъ само это содержаніе. Согласно такому понятію слѣдуетъ приписать красоту каракатицѣ, или свиньѣ, такъ какъ тѣло этихъ животныхъ въ совершенствѣ выражаетъ ихъ внутреннее содержаніе, именно прожорливость. Но тутъ-то и ясно, что красота въ природѣ не есть выраженіе всякаго содержанія, а лишь содержанія идеальнаго, что она есть *воплощеніе идеи.*

III.

Опредѣленіе красоты, какъ *идеи воплощенной*, первымъ своимъ словомъ (идея) устраняетъ тотъ взглядъ, по которому красота можетъ выражать *всякое* содержаніе, а вторымъ словомъ (воплощенная) исправляетъ и тотъ (еще болѣе распространенный) взглядъ, который хотя и требуетъ для нея идеальнаго содержанія, но находитъ въ красотѣ не дѣйствительное осуществленіе, а только видимость или призракъ (Schein) идеи *). Въ этомъ послѣднемъ воззрѣніи пре-

*) Въ сущности надъ этимъ воззрѣніемъ не возвысился, несмотря на свой „трансцендентальный реализмъ“, и Эд. Гартманъ въ своей недавно вышедшей объемистой и многословной „Эстетикѣ“.

красное, какъ субъективный психологическій фактъ, т. е. ощущеніе красоты, ея явленіе или сіяніе въ нашемъ духѣ, заслоняетъ собою саму красоту, какъ объективную форму вещей въ природѣ. По истинѣ-же красота есть идея дѣйствительно осуществляемая, воплощаемая въ мірѣ прежде человѣческаго духа, и это ея воплощеніе не менѣе реально и гораздо болѣе значительно (въ космогоническомъ смыслѣ), нежели тѣ матеріальныя стихіи, въ которыхъ она воплощается. Игра свѣтовыхъ лучей въ кристаллическомъ тѣлѣ во всякомъ случаѣ не менѣе реальна, чѣмъ химическое вещество этого тѣла, и модуляція птичьей пѣсни есть такая же естественная реальность, какъ и актъ размноженія.

Красота или воплощенная идея есть лучшая половина нашего реальнаго міра, именно та его половина которая не только существуетъ, но и заслуживаетъ существованія. Идеей вообще мы называемъ то, что само по себѣ достойно быть. Безусловно говоря, достойно бытія только всесовершенное или абсолютное существо, вполнѣ свободное отъ всякихъ ограниченій и недостатковъ. Частныя или ограниченныя существованія, сами по себѣ не имѣющія достойнаго или идеальнаго бытія, становятся ему причастны чрезъ свое отношеніе къ абсолютному во всемірномъ процессѣ, который и есть постепенное воплощеніе его идеи. Частное бытіе идеально или достойно, лишь поскольку оно не отрицаетъ всеобщаго, а даетъ ему мѣсто въ себѣ, и точно также общее идеально или достойно въ той мѣрѣ, въ какой оно даетъ въ себѣ мѣсто частному. Отсюда легко вывести слѣдующее формальное опредѣленіе идеи или достойнаго вида бытія. Она есть *полная свобода составныхъ частей въ совершенномъ единствѣ цѣлаго.*

Самостоятельность частей или просторъ бытія въ разныхъ предметахъ и явленіяхъ можетъ быть болѣе или менѣе полнымъ; единство цѣлаго, дающаго этотъ просторъ своимъ частямъ, можетъ быть болѣе или менѣе совершеннымъ. Изъ такихъ относительныхъ различій вытекаетъ множество степеней въ осуществленіи идеи, все разнообразіе

и вся сложность мірового процесса. Но, помимо частныхъ усложненій въ процессѣ своего осуществленія, всемірная идея въ самой общности своей представляется необходимо съ трехъ сторонъ. Въ ней различаются: 1) свобода или автономія бытія, 2) полнота содержанія или смысла и 3) совершенство выраженія или формы. Безъ этихъ трехъ условій нѣтъ достойнаго или идеальнаго бытія. Разсматриваемая преимущественно со стороны своей внутренней безусловности какъ абсолютно желанное или изволяемое идея есть добро; со стороны полноты обнимаемыхъ ею частныхъ опредѣленій, какъ мыслимое содержаніе для ума, идея есть истина; наконецъ, со стороны совершенства или законченности своего воплощенія, какъ реально-ощутимая въ чувственномъ бытіи, идея есть красота.

Такимъ образомъ въ красотѣ, какъ въ одной изъ опредѣленныхъ фазъ тріединой идеи, необходимо различать общую идеальную сущность и спеціально-эстетическую форму. Только эта послѣдняя отличаетъ красоту отъ добра и истины, тогда какъ идеальная сущность у нихъ одна и та-же—достойное бытіе или положительное всеединство, просторъ частнаго бытія въ единствѣ всеобщаго. *Этого* мы желаемъ какъ высшаго блага, *это* мыслимъ какъ истину и *это*-же ощущаемъ какъ красоту; но для того, чтобы мы могли *ощущать* идею, нужно, чтобы она была воплощена въ матеріальной дѣйствительности. Законченностью этого воплощенія и опредѣляется красота, какъ такая въ своемъ специфическомъ признакѣ.

Критерій достойнаго или идеальнаго бытія вообще есть наибольшая самостоятельность частей при наибольшемъ единствѣ цѣлаго. Критерій эстетическаго достоинства есть наиболѣе законченное и многостороннее воплощеніе этого идеальнаго момента въ данномъ матеріалѣ. Понятно, что въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ эти критеріи могутъ вовсе не совпадать и должны быть строго различаемы. Весьма слабая степень достойнаго или идеальнаго бытія можетъ быть въ высшей степени хорошо воплощена въ дан-

номъ матеріалѣ, и точно также возможно крайне несовершенное выраженіе самыхъ высшихъ идеальныхъ моментовъ. Въ области искусства это различіе бросается въ глаза, и здѣсь два критерія—обще-идеальный и спеціально-эстетическій—могутъ смѣшиваться только умами совсѣмъ необразованными. Различіе менѣе явно въ области природы, но и въ ней оно несомнѣнно существуетъ и очень важно его не забывать. Возьмемъ опять два старые примѣра: съ одной стороны внутренностнаго червя (глисту), а съ другой — алмазъ. Первый выражаетъ въ нѣкоторой степени идею жизни въ видѣ животнаго организма; второй, по своему идеальному содержанію, есть нѣкоторая степень просвѣтлѣнія неорганическаго вещества. Но идея органической жизни, хотя-бы и на степени червя, выше идеи кристаллическаго тѣла, хотя-бы и въ видѣ алмаза. Въ этомъ послѣднемъ матерія лишь извнѣ просвѣтлена, тогда какъ въ червѣ она внутренно оживотворена. Въ самомъ простомъ организмѣ мы находимъ совокупность бо̀льшаго числа особенныхъ частей и большее ихъ единство, нежели въ самомъ совершенномъ камнѣ; всякій организмъ болѣе сложенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе индивидуаленъ, чѣмъ камень. Итакъ, по первому критерію глиста выше алмаза, потому что *содержательнѣе* его. Но, прилагая собственно эстетическій критерій, мы приходимъ къ другому заключенію. Въ алмазѣ простая элементарная идея просвѣтленнаго минерала (благороднаго камня) выражена законченнѣе и совершеннѣе, нежели какъ болѣе сложная и высокая идея органической (въ частности животной) жизни выражена въ глистѣ. Алмазъ есть предметъ въ своемъ родѣ совершенный, ибо нигдѣ такая сила сопротивленія или непроницаемости не соединяется съ такою свѣтозарностью, нигдѣ не встрѣчается такая яркая и тонкая игра свѣта въ такомъ твердомъ тѣлѣ. Въ червѣ, напротивъ, мы находимъ одно изъ несовершеннѣйшихъ зачаточныхъ выраженій для той идеи органической жизни, къ области которой это существо принадлежитъ. Хотя уже по самому химическому составу своихъ тканей

червь есть тѣло болѣе сложное, чѣмъ алмазъ, но *организація* этого тѣла есть самая упрощенная и скудная. Точно также, хотя по силѣ индивидуальнаго единства этотъ простѣйшій организмъ все-таки превосходитъ всякій алмазъ, ибо не можетъ подобно сему послѣднему безразлично дробиться, оставаясь самимъ собою, однако въ смыслѣ органическомъ это единство настолько слабо, что даже иногда не выдерживаетъ идеи организма (способность дѣлиться по членикамъ). Такимъ образомъ съ точки зрѣнія собственно эстетической червь, какъ крайне несовершенное воплощеніе своей хотя сравнительно и высокой идеи (животнаго организма), долженъ быть поставленъ неизмѣримо ниже алмаза, который есть совершенное, законченное выраженіе своей, хотя и мало-содержательной, идеи просвѣтленнаго камня.

IV.

Вещество есть косность и непроницаемость бытія—прямая противуположность идеѣ, какъ положительной всепроницаемости или всеединству. Лишь въ *свѣтѣ* вещество освобождается отъ своей косности и непроницаемости, и такимъ образомъ видимый міръ впервые расчленяется на двѣ противоположныя полярности. Свѣтъ или его невѣсомый носитель—эѳиръ—есть первичная реальность идеи въ ея противуположности вѣсомому веществу, и въ этомъ смыслѣ онъ есть первое начало красоты въ природѣ. Дальнѣйшія ея явленія обусловлены сочетаніями свѣта съ матеріей. Такія сочетанія бываютъ двоякаго рода: механическія, или наружныя, и органическія, или внутреннія. Первыми производятся собственно свѣтовыя явленія въ природѣ, вторыми—явленія жизни Древняя наука догадывалась, а нынѣшняя доказываетъ, что органическая жизнь есть превращеніе свѣта. Такимъ образомъ матерія становится носительницею красоты чрезъ дѣйствіе одного и того-же свѣтового начала, которое ее сперва поверхностно озаряетъ, а затѣмъ внутренно проникаетъ, животворитъ и организуетъ.

Въ мірѣ неорганическомъ красота принадлежитъ или такимъ предметамъ и явленіямъ, въ которыхъ вещество прямо становится носителемъ свѣта, или такимъ, въ которыхъ неодушевленная природа какъ-бы одушевляется и въ своемъ движеніи являетъ черты жизни. Оставляемъ метафизикѣ рѣшать вопросъ, насколько тутъ субъективной иллюзіи и насколько дѣйствительно природа, помимо органическихъ существъ (растеній и животныхъ) имѣетъ въ себѣ жизни, т.-е. способности къ внутреннимъ воспріятіямъ и самостоятельнымъ движеніямъ. Для насъ въ предѣлахъ эстетическаго разсужденія достаточно того факта, что въ явленіяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, красота ихъ обусловлена не механическимъ движеніемъ, какъ таковымъ, а впечатлѣніемъ игры живыхъ силъ. Но сначала нѣсколько словъ о красотѣ неорганической природы въ ея *покоѣ,* о красотѣ чисто-свѣтового характера.

Порядокъ воплощенія идеи или явленія красоты въ мірѣ соотвѣтствуетъ общему космогоническому порядку: въ началѣ сотвори Богъ *небо*... Если наши предки видѣли въ небѣ отца боговъ, то мы, и не поклоняясь Сварогу или Варунѣ, и вовсе не усматривая въ небесномъ сводѣ признаковъ живого личнаго существа, не менѣе язычниковъ любуемся его красотою; слѣдовательно, она не зависитъ отъ нашихъ субъективныхъ представленій, а связана съ дѣйствительными свойствами, присущими видимому намъ міровому пространству. Эти эстетическія свойства неба обусловлены свѣтомъ: оно прекрасно только озаренное. Ни въ сѣрый дождливый день, ни въ черную беззвѣздную ночь небо никакой красоты не имѣетъ. Говоря объ этой красотѣ, мы разумѣемъ собственно лишь свѣтовыя явленія, происходящія въ предѣлахъ доступнаго нашимъ взглядамъ мірового пространства.

Всеобъемлющее небо прекрасно вопервыхъ какъ образъ вселенскаго единства, какъ выраженіе спокойнаго торжества, вѣчной побѣды свѣтлаго начала надъ хаотическимъ смятеніемъ, вѣчнаго воплощенія идеи во всемъ объемѣ ма-

теріальнаго бытія. Этотъ общій смыслъ раскрывается болѣе опредѣленно въ трехъ главныхъ видахъ небесной красоты—солнечной, лунной и звѣздной.

1. Міровое всеединство и его физическій выразитель — свѣтъ — въ своемъ собственномъ активномъ средоточіи — солнцѣ. Солнечный восходъ — образъ дѣятельнаго торжества свѣтлыхъ силъ. Отсюда особенная красота неба въ эту минуту, когда

По всей
Неизмѣримости эѳирной
Несется благовѣстъ всемірный
Побѣдныхъ солнечныхъ лучей. *(Тютчевъ.)*

Сіяющая красота неба въ ясный полдень—то-же торжество свѣта, но уже достигнутое, не въ дѣйствіи, а въ невозмутимомъ неподвижномъ покоѣ.

И какъ мечты почіющей природы,
Волнистыя проходятъ облака. *(Фетъ).*

2. Міровое всеединство со стороны воспринимающей его матеріальной природы, свѣтъ отраженный—пассивная женственная красота лунной ночи. Какъ естественный переходъ отъ солнечнаго вида къ лунному—красота вечерняго неба и заходящаго солнца, когда уменьшеніе прямой центральной силы свѣта вознаграждается бо́льшимъ разнообразіемъ его оттѣнковъ въ озаренной средѣ.

3. Міровое всеединство и его выразитель свѣтъ въ своемъ первоначальномъ расчлененіи на множественность самостоятельныхъ средоточій, обнимаемыхъ однако общею гармоніей—красота звѣзднаго неба. Ясно, что въ этой послѣдней полнѣе и совершеннѣе, нежели въ двухъ первыхъ, осуществляется идея положительнаго всеединства. Впрочемъ не должно забывать, что какъ непосредственное впечатлѣніе отъ красоты яркаго полдня или лунной ночи, такъ и эстетическая оцѣнка этой красоты обнимаетъ необходимо всю картину природы въ данный моментъ, всѣ тѣ земные предметы и явленія, которые озарены солнцемъ и луною и

которые имѣютъ свою собственную красоту, усиленную этимъ особеннымъ озареніемъ, но въ свою очередь увеличивающую красоту свѣтлаго неба; тогда какъ при созерцаніи звѣздной ночи эстетическое впечатлѣніе всецѣло ограничивается самимъ небомъ, а красота земныхъ предметовъ, сливающихся во мракѣ, не можетъ имѣть значенія. Если устранить эту неравномѣрность и, при эстетической оцѣнкѣ полдневнаго и луннаго неба, отвлечься отъ красоты озареннаго ландшафта, то всякій согласится, что изъ трехъ главныхъ видовъ неба звѣздное представляетъ наибольшую степень красоты *).

Изъ астральной безконечности переходя въ тѣсные предѣлы нашей земной атмосферы, мы встрѣчаемся здѣсь съ прекрасными явленіями, изображающими въ различной степени просвѣтленіе матеріи или воплощеніе въ ней идеальнаго начала. Въ этомъ смыслѣ имѣютъ самостоятельную красоту облака, озаренныя утреннимъ или вечернимъ солнцемъ. съ ихъ различными оттѣнками и сочетаньями цвѣтовъ, сѣверное сіяніе и т. д. Полнѣе и опредѣленнѣе ту-же идею (взаимнаго проникновенія небеснаго свѣта и земной стихіи) представляетъ *радуга*, въ которой темное и безформенное вещество водяныхъ паровъ превращается на мигъ въ яркое и полноцвѣтное откровеніе воплощеннаго свѣта и просвѣтленной матеріи:

Какъ неожиданно и ярко
По влажной неба синевѣ
Воздушная воздвиглась арка

*) Извѣстно различіе, которое нѣмецкая эстетика (особенно со временъ Канта) полагаетъ между прекраснымъ и *возвышеннымъ* (erhabenes), причемъ звѣздное небо относится къ этой послѣдней эстетической категоріи. Намъ кажется, что здѣсь извѣстный оттѣнокъ прекраснаго возведенъ безъ достаточнаго основанія на степень независимой категоріи. противупоставляемой прекрасному вообще. Впрочемъ нельзя приписывать важнаго значенія этому терминологическому вопросу, а во всякомъ случаѣ на русскомъ языкѣ мы имѣемъ полное право говорить о *красотѣ* звѣзднаго неба.

Въ своемъ минутномъ торжествѣ!
Одинъ конецъ въ лѣса вонзила,
Другимъ за облака ушла;
Она полнеба обхватила
И въ высотѣ изнемогла! *(Тютчевъ).*

Къ свѣтовому прекрасному принадлежитъ и красота спокойнаго моря. Въ водѣ матеріальная стихія впервые освобождается отъ своей косности и непроницаемой твердости. Этотъ текучій элементъ есть связь неба и земли, и такое его значеніе наглядно является въ картинѣ затихшаго моря, отражающаго въ себѣ безконечную синеву и сіяніе небесъ. Еще яснѣе этотъ характеръ водяной красоты въ гладкомъ зеркалѣ озера или рѣки.

Къ воплощеніямъ свѣта въ матеріи газообразной (облака, радуга) и къ сейчасъ упомянутымъ его воплощеніямъ въ матеріи жидкой должно присоединить еще свѣтовыя воплощенія въ твердыхъ тѣлахъ,—благородные металлы и драгоцѣнные камни. Сюда относится въ большей или меньшей степени сказанное выше по поводу алмаза.

V.

Отъ явленій спокойнаго, торжествующаго свѣта переходимъ къ явленіямъ подвижной и кажущейся свободною жизни въ неорганической природѣ. Жизнь по самому широкому своему опредѣленію есть игра или свободное движеніе частныхъ силъ и положеній, объединенныхъ въ индивидуальномъ цѣломъ. Поскольку въ этой игрѣ выражается одинъ изъ существенныхъ признаковъ идеальнаго или достойнаго бытія (которое одинаково не можетъ быть ни отвлеченно-всеобщимъ, т. е. пустымъ, ни случайно-частнымъ), постольку воплощеніе ея въ явленіяхъ матеріальнаго міра, дѣйствительная или кажущаяся жизнь въ природѣ представляетъ эстетическое значеніе. Этою красотою видимой жизни въ неорганическомъ мірѣ отличается прежде всего текущая вода въ разныхъ своихъ видахъ: ручей, горная

рѣчка, водопадъ. Эстетическій смыслъ этого живого движенія усиливается его безпредѣльностью, которая какъ-бы выражаетъ неутолимую тоску частнаго бытія, отдѣленнаго отъ абсолютнаго всеединства.

Волна въ разлукѣ съ моремъ
Не вѣдаетъ покою,
Ключемъ-ли бьетъ кипучимъ
Иль катится рѣкою,
Все ропщетъ и вздыхаетъ
Въ цѣпяхъ и на просторѣ,
Тоскуя по безбрежномъ,
Бездонномъ синемъ морѣ.

А само это безбрежное море въ своемъ бурномъ волненіи получаетъ новую красоту, какъ образъ мятежной жизни, гигантскаго порыва стихійныхъ силъ, не могущихъ однако расторгнуть общей связи мірозданія и нарушить его единства, а только наполняющихъ его движеніемъ, блескомъ и громомъ.

Какъ хорошо ты, о море ночное,
Здѣсь лучезарно,—тамъ сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи словно живое
Ходитъ, и дышетъ, и блещетъ оно.
На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ....
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты. *(Тютчевъ.)*

Хаосъ, т. е. само безобразіе, есть необходимый фонъ всякой земной красоты и эстетическая цѣнность такихъ явленій, какъ бурное море, зависитъ именно отъ того, что подъ ними хаосъ шевелится.

Движеніе живыхъ стихійныхъ силъ въ природѣ имѣетъ

два главныхъ оттѣнка: свободной игры и грозной борьбы. Одно и то-же явленіе природы. гроза, можетъ представлять и тотъ и другой оттѣнокъ, смотря по условіямъ, въ которыхъ она происходитъ. Величавая красота лѣтнихъ грозъ, какъ и бурнаго моря, зависитъ отъ шевелящагося хаоса и отъ возбужденной интенсивности стихійныхъ силъ, оспаривающихъ окончательное торжество у свѣтлаго мірового порядка. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ гроза—„въ началѣ мая,

Когда весенній первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ....
Повисли перлы дождевые
И солнце нивы золотитъ....
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ....
Ты скажешь, вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба
Смѣясь на землю пролила. *(Тютчевъ.)*

А вотъ у того-же поэта картина наступающей грозы въ лѣтнюю ночь, въ моментъ, когда хаотическія силы еще только медленно готовятся къ предстоящей страшной борьбѣ:

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала
И надъ тусклою землею
Небо полное грозою
Отъ зарницъ все трепетало....
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы

Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею....

Или еще лучше:

Однѣ зарницы огневыя,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые
Ведутъ бесѣду межь собой.
Какъ по условленному знаку,
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса
И быстро выступятъ изъ мраку
Поля и дальніе лѣса!
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы таинственное дѣло
Рѣшалось тамъ, на высотѣ....

Поскольку и въ неорганическомъ мірѣ въ нѣкоторыхъ его явленіяхъ мы находимъ дѣйствительное предвареніе (антиципацію) жизни, чѣмъ и обусловливается эстетическое значеніе этихъ явленій, постольку и *звуки* въ неорганической природѣ, какъ выраженія ея собственной *жизни*, пріобрѣтаютъ свойство красоты. Въ жизни матеріальная природа внутренно проникается свѣтомъ, поглощаетъ его, претворяетъ во внутреннее движеніе и затѣмъ сообщаетъ это движеніе внѣшней средѣ—въ звукѣ. Тамъ, гдѣ этотъ общій идеальный смыслъ звука, какъ живого отвѣта матеріи на вліяніе свѣта (статуя Мемнона звучавшая на зарѣ), не ясенъ для насъ въ частномъ звуковомъ явленіи, тамъ, гдѣ тѣла звучатъ не отъ себя, а лишь отъ внѣшняго и для нихъ самихъ случайнаго воздѣйствія, тамъ не получается и никакого эстетическаго впечатлѣнія отъ звука*). При этомъ бываетъ и такъ, что извѣстные звуки, которые въ своей отдѣльности имѣютъ явно-механическій характеръ и потому не про-

*) *Примѣчаніе для читателей безпечныхъ по части логики:* изъ того, что всѣ прекрасные звуки должны быть выраженіями внутренней жизни, никакъ не слѣдуетъ, чтобы всѣ звуковыя выраженія внутренней жизни были прекрасны.

изводятъ никакого впечатлѣнія красоты, въ совокупности своей могутъ выражать жизнь нѣкотораго собирательнаго цѣлаго и въ этомъ качествѣ пріобрѣтаютъ эстетическое значеніе. Такъ напримѣръ въ стукѣ колесъ по мостовой нѣтъ ничего прекраснаго, но шумъ города, хотя и слагается главнымъ образомъ изъ подобныхъ некрасивыхъ звуковъ, производитъ однако въ своей совокупности (т.-е. издали) несомнѣнно эстетическое впечатлѣніе. Европейскіе города съ ихъ неопредѣленно разросшимися окрестностями представляютъ мало удобствъ для такого наблюденія. Но кому случалось подходить къ большому восточному городу, напримѣръ Каиро, отъ тѣхъ сторонъ, гдѣ онъ граничитъ съ пустыней, тотъ навѣрно съ наслажденіемъ прислушивался къ звучащей жизни этого собирательнаго животнаго.

Въ тѣхъ явленіяхъ неорганической природы, о которыхъ мы уже говорили (бурное море, гроза), звукъ входитъ лишь какъ одинъ изъ элементовъ эстетическаго впечатлѣнія. Въ бушующемъ морѣ уже самый видъ волнъ являетъ характеръ жизни помимо ихъ шума.

Ты волна моя морская,
Своенравная волна,
Какъ покоясь иль играя
Чудной жизни ты полна!
Ты на солнцѣ ли смѣешься,
Отражая неба сводъ,
Иль мятешься ты и бьешься
Въ одичалой безднѣ водъ. *Тютчевъ.*

Тому-же поэту волна по своему виду и живому движенію представляется скачущимъ морскимъ конемъ:

О рьяный конь, о конь морской,
Съ блѣдно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бѣшено-игривый.
Ты буйнымъ вихремъ вскормленъ былъ
Въ широкомъ Божьемъ полѣ,

Тебя онъ прядать научилъ,
Играть, скакать по волѣ!

Въ иныхъ случаяхъ полное *безмолвіе* въ природѣ прямо усиливаетъ эстетическое впечатлѣніе или даже составляетъ необходимое его условіе, какъ это мы выше видѣли (у того же поэта) въ картинѣ наступающей ночной грозы. За то въ другихъ явленіяхъ неорганическаго міра весь жизненный и эстетическій ихъ смыслъ выражается исключительно въ однихъ звуковыхъ впечатлѣніяхъ. Таковы скорбные вздохи скованнаго въ космической темницѣ Хаоса.

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значитъ странный голосъ твой,
То глухо жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И роешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!
О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смерной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!... *Тютчевъ.*

VI.

Порывы стихійныхъ силъ или стихійнаго безсилія, сами по себѣ чуждые красоты, порождаютъ ее уже въ неорганическомъ мірѣ, становясь волей или неволей, въ различныхъ аспектахъ природы, матеріаломъ для болѣе или менѣе яснаго и полнаго выраженія всемірной идеи или положительнаго всеединства.

Зиждительное начало вселенной (Логосъ), отражающее-

ся отъ вещества снаружи какъ свѣтъ и изнутри зажигающее жизнь въ веществѣ, образуетъ въ видѣ животныхъ и растительныхъ организмовъ опредѣленныя и устойчивыя формы жизни, которыя, восходя постепенно все къ большему и большему совершенству, могутъ наконецъ послужить матеріаломъ и средою для настоящаго воплощенія всецѣлой и недѣлимой идеи.

Реальная подкладка органическихъ формъ, матеріалъ біологическаго процесса берется *весь* въ мірѣ вещественномъ: это—добыча завоеванная зиждительнымъ умомъ у хаотической матеріи. Иными словами, органическія тѣла суть лишь превращенія или трансформаціи неорганическаго вещества, въ такомъ-же впрочемъ смыслѣ, въ какомъ Исаакіевскій соборъ есть трансформація гранита, а Венера Милосская—трансформація мрамора. Признавать въ живыхъ тѣлахъ особую, исключительно имъ присущую жизненную силу—это все равно, что приписывать храму особую храмовую силу, а статуѣ—особенную ваятельную силу. Явно, что съ точки зрѣнія реальнаго состава въ органическихъ тѣлахъ нѣтъ совсѣмъ ничего кромѣ физическихъ и химическихъ элементовъ, точно также какъ съ этой точки зрѣнія въ храмѣ нѣтъ ничего кромѣ камня, золота и прочихъ матеріаловъ, а въ мраморной статуѣ—ничего кромѣ мрамора. А съ формальной стороны въ строеніи живыхъ организмовъ мы имѣемъ новую, сравнительно высшую степень проявленія того-же зиждительнаго начала, которое уже дѣйствовало и въ мірѣ неорганическомъ,—новый, относительно болѣе совершенный, способъ воплощенія той-же идеи, которая уже находила себѣ выраженія и въ неодушевленной природѣ, хотя болѣе поверхностныя и менѣе опредѣленныя. Тотъ-же самый образъ всеединства, который всемірный художникъ крупными и простыми чертами набросалъ на звѣздномъ небѣ, или въ многоцвѣтной радугѣ,—его-же онъ подробно и тонко разрисовываетъ въ растительныхъ и животныхъ тѣлахъ.

Въ мірѣ органическихъ существъ различаются нами три

главныя стороны: 1) внутренняя сущность или prima materia жизни, стремленіе или хотѣніе жить, т.-е. питаться и размножаться—голодъ и любовь (болѣе страдательныя въ растеніяхъ, болѣе дѣятельныя въ животныхъ); 2) образъ этой жизни, т.-е. тѣ морфологическія и физіологическія условія, которыми опредѣляются питаніе и размноженіе (а въ связи съ ними и прочія, второстепенныя функціи) каждаго органическаго вида, и наконецъ 3) біологическая цѣль,—не въ смыслѣ внѣшней телеологіи, а съ точки зрѣнія сравнительной анатоміи, опредѣляющей относительно цѣлаго органическаго міра мѣсто и значеніе тѣхъ частныхъ формъ, которыя въ каждомъ видѣ поддерживаются питаніемъ и увѣковѣчиваются размноженіемъ. Самая біологическая цѣль при этомъ является двоякою: съ одной стороны органическіе виды суть *ступени* (частію преходящія, частію пребывающія) общаго біологическаго *процесса*, который отъ водяной плѣсени доходитъ до созданія человѣческаго тѣла, а съ другой стороны эти виды можно разсматривать какъ *члены* всемірнаго *организма*, имѣющіе самостоятельное значеніе въ жизни цѣлаго.

Общая картина органическаго міра представляетъ двѣ основныя черты, безъ равномѣрнаго признанія которыхъ невозможно никакое пониманіе міровой жизни, никакая философія природы, а слѣдовательно и никакая эстетика природы. Вопервыхъ, несомнѣнно что органическій міръ не есть произведеніе такъ называемаго непосредственнаго творчества, или что онъ не можетъ быть *прямо выведенъ* изъ одного абсолютнаго творческаго начала, ибо въ такомъ случаѣ онъ долженъ-бы былъ представлять безусловное совершенство, безмятежность и гармонію не только въ цѣломъ, но и во всѣхъ своихъ частяхъ. Между тѣмъ дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ такому оптимистическому представленію. Въ этомъ случаѣ нѣкоторые факты и открытія положительной науки имѣютъ рѣшающее значеніе. Разсматривая земной органическій міръ, особенно въ его палеонтологической исторіи, достаточно извѣстной въ наши дни, мы

находимъ здѣсь рѣзко очерченную картину труднаго и сложнаго процесса. опредѣляемаго борьбою разнородныхъ началъ, которая лишь послѣ долгихъ усилій разрѣшается нѣкоторымъ устойчивымъ равновѣсіемъ. Это всего менѣе похоже на безусловно совершенное созданіе, непосредственно исходящее изъ творческой воли одного божественнаго художника. Наша біологическая исторія есть замедленное и болѣзненное рожденіе *). Мы видимъ здѣсь явные знаки внутренняго противоборства, толчки и судорожныя сотрясенія, слѣпыя движенія ощупью; неконченные наброски неудачныхъ созданій,—сколько чудовищныхъ порожденій и выкидышей! Всѣ эти *palaeozoa*, эти допотопныя чудища: *мегатеріи, плезіозавры, ихтіозавры, птеродактили*—могутъ-ли они быть совершеннымъ и непосредственнымъ твореніемъ Божіимъ? Еслибы они удовлетворяли своему назначенію и заслуживали одобреніе Творца, какъ могло-бы случиться, что они окончательно исчезли съ нашей земли, уступивъ мѣсто формамъ болѣе уравновѣшеннымъ и гармоническимъ.

Тѣмъ не менѣе, хотя животворный дѣятель мірового процесса и бросаетъ безъ сожалѣнія свои неудачныя пробы, однако—и въ этомъ вторая основная черта органической природы—онъ дорожитъ не одною только цѣлью процесса, а каждою изъ его безчисленныхъ ступеней, лишь-бы эта ступень въ свою мѣру и по-своему хорошо воплощала идею жизни. Отвоевывая шагъ за шагомъ у хаотическихъ стихій матеріалъ для своихъ органическихъ созданій, космическій умъ бережетъ каждую свою добычу и покидаетъ только то, въ чемъ его побѣда была мнимою, на что безмѣрность хаоса наложила свою неизгладимую печать.

Вообще зиждительное начало природы неравнодушно къ красотѣ своихъ произведеній. Поэтому въ царствѣ животномъ, гдѣ встрѣчаются положительно безобразныя тво-

*) См. поясненіе этого указанія съ богословской (библейской) точки зрѣнія въ моей книгѣ La Russie et l'Eglise Universelle, 2-me éd. Paris. p. 248—252.

ренія, они или принадлежатъ къ видамъ *исчезнувшимъ* (такъ-называемымъ допотопнымъ), т.-е. отброшеннымъ природою за негодностью; или-же они имѣютъ *паразитическій* характеръ (глиста, вши, клопы) и слѣдовательно лишены самостоятельнаго значенія, будучи только болѣзненно-оживленными экскрементами другихъ организмовъ, или, наконецъ, некрасивая форма принадлежитъ червеобразнымъ *личинкамъ* насѣкомыхъ, представляющимъ лишь переходную стадію въ развитіи цѣлаго животнаго, въ окончательномъ-же своемъ видѣ эти самыя животныя (бабочки, жуки и т. п.) не только освобождаются отъ отвратительной наружности червя, но нѣкоторыя изъ нихъ даже служатъ весьма яркими образчиками красоты въ природѣ. И (по общему правилу) только въ этомъ своемъ болѣе красивомъ окрыленномъ видѣ насѣкомое получаетъ способность спариваться и размножаться, т.-е. увѣковѣчивать свой видъ. Еслибы спаривались и размножались личинки, то онѣ увѣковѣчивали-бы эту безобразную животную форму, какъ окончательную. Но природа не равнодушна къ красотѣ. Она допускаетъ безобразныя формы въ качествѣ переходныхъ стадій, но для увѣковѣчиванія своихъ произведеній старается сообщить имъ возможную въ каждомъ родѣ красоту.—Правда, помимо паразитовъ и червеобразныхъ личинокъ существуютъ другія некрасивыя формы и даже въ высшихъ классахъ животнаго царства, наприм. свиньи. Но *дикій* кабанъ или вепрь нисколько не отвратителенъ, онъ даже не лишенъ своего рода красоты,—отвратительна только домашняя откормленная свинка. Но тутъ уже мы имѣемъ дѣло съ злоупотребленіемъ человѣка, а не съ произведеніемъ природы. Вообще-же если красота въ природѣ (какъ мы это утверждаемъ) есть реально-объективное произведеніе сложнаго и постепеннаго космогоническаго процесса, то существованіе безобразныхъ явленій вполнѣ понятно и необходимо. Самыя отвратительныя формы животнаго царства послужили и еще послужатъ намъ для подтвержденія и иллюстраціи нашихъ мыслей.—Послѣ этихъ

поясненій мы можемъ перейти къ эстетическому обзору органическаго міра.

VII.

Въ растительномъ царствѣ свѣтлое эѳирное начало уже не только озаряетъ косное вещество и не только возбуждаетъ въ немъ порывистое преходящее движеніе (какъ въ явленіяхъ стихійной красоты), но и *внутренно* движетъ его, *поднимаетъ* его изнутри, *постоянным* образомъ преодолѣвая силу тяжести. Въ растеніи свѣтъ и матерія вступаютъ въ прочное неразрывное сочетаніе, впервые проникаютъ другъ друга, становятся одною недѣлимою жизнью, и эта жизнь поднимаетъ кверху земную стихію, заставляетъ ее тянуться къ небу и солнцу. Между косностью минераловъ и произвольнымъ движеніемъ животныхъ это незамѣтное внутреннее движеніе вверхъ, или *ростъ*, составляетъ характеризующее свойство растеній, которыя отъ него имѣютъ и свое названіе. Поскольку здѣсь свѣтлая форма и темное вещество впервые органически нераздѣльно сливаются въ одно цѣлое, растеніе есть первое дѣйствительное и живое воплощеніе небеснаго начала на землѣ, первое дѣйствительное преображеніе земной стихіи. Два космогоническія начала, которыя въ явленіяхъ неорганическаго міра лишь поверхностно соприкасаются и извнѣ возбуждаютъ другъ друга, здѣсь дѣйствительно соединяются и порождаютъ одну недѣлимо-двойственную небесно-земную сущность растеній.

Какъ будто чуя жизнь двойную
И ей овѣяны вдвойнѣ—
И землю чувствуютъ родную
И въ небо просятся онѣ. *(Фетъ)*

Въ растительномъ царствѣ жизнь выражается преимущественно въ объективномъ направленіи въ произведеніи прекрасныхъ органическихъ формъ. Въ этомъ первомъ живомъ порожденіи небесныхъ и земныхъ силъ внутренняя жизнь еще слабо обособилась: это есть безмолвно преоб-

раженная и тихо приподнявшаяся къ небу земля. Матеріальное начало, возведенное на новую степень бытія, на степень живого существа, не успѣло еще развить соотвѣтственной внутренней интенсивности, оно какъ-бы замерло въ общемъ чувствѣ своего просвѣтленія. Изъ двухъ нераздѣльныхъ, но тѣмъ не менѣе различныхъ сторонъ органической жизни въ растительномъ мірѣ рѣшительно преобладаетъ сторона *организаціи* надъ стороною *жизни*. Растеніе, хотя и живетъ, но оно есть болѣе *организованное тѣло*, нежели живое существо: въ немъ видимыя формы значительнѣе внутреннихъ состояній. Эти послѣднія существуютъ, но въ слабой степени,—душа растеній, какъ уже давно замѣчено, есть грезящая душа. Поэтому и главный способъ для выраженія внутреннихъ субъективныхъ состояній—голосъ—вполнѣ отсутствуетъ у всѣхъ растеній; за то красотою видимыхъ формъ они надѣлены гораздо равномѣрнѣе, нежели животныя, и, вообще говоря, превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Для растеній зрительная красота есть настоящая *достигнутая* цѣль; поэтому органы размноженія (цвѣты), которыми въ наиболѣе значительной части растительнаго царства увѣковѣчивается данный видъ, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшее развитіе растительной красоты, въ ея специфическомъ характерѣ: наивной, спокойной, дремлющей.

Такъ какъ въ растительномъ мірѣ главное дѣло не въ содержаніи внутреннемъ, не въ интенсивности и полнотѣ субъективной жизни, а въ законченномъ внѣшнемъ выраженіи хотя-бы и простого сравнительно содержанія, то естественное различіе между высшими и низшими растеніями опредѣляется соотвѣтственно степени ихъ видимаго совершенства или красоты, т.-е. эстетическій критерій совпадаетъ здѣсь, вообще говоря, съ естественно-научнымъ, чего, какъ сейчасъ увидимъ, вовсе не замѣчается въ царствѣ животномъ. Два главные отдѣла растительнаго міра характеризуются присутствіемъ или отсутствіемъ *цвѣтка*, т.-е. того сложнаго органа, въ которомъ преиму-

щественно сосредоточивается растительная красота. Снабженныя цвѣтами и потому, вообще говоря, болѣе красивыя растенія составляютъ высшій отдѣлъ *явнобрачныхъ*, а лишенныя цвѣтовъ и въ общемъ не отличающіяся красотою растенія принадлежатъ къ низшему отдѣлу *тайнобрачныхъ*. И между этими послѣдними самыя низшія по структурѣ: водоросли, мхи—суть и наименѣе красивыя, тогда какъ сравнительно болѣе сложныя или высшія: папоротники—обладаютъ и большею степенью красоты. Совершенно не то видимъ мы у животныхъ. Хотя они также раздѣляются на два главные отдѣла: низшій—безпозвоночныхъ и высшій—позвоночныхъ животныхъ, но тутъ уже никакъ нельзя сказать, чтобы высшія были вообще красивѣе низшихъ; эстетическій и зоологическій критерій здѣсь уже вовсе не совпадаютъ. Къ числу безпозвоночныхъ, слѣдовательно къ низшему изъ двухъ главныхъ отдѣловъ животнаго царства, относятся однѣ изъ самыхъ красивыхъ зоологическихъ формъ—бабочки, которыя несомнѣнно превосходятъ красотою бо́льшую часть высшихъ животныхъ. А между этими послѣдними, т.-е. въ отдѣлѣ позвоночныхъ, степень зоологическаго развитія, вообще говоря, вовсе не соотвѣтствуетъ степени красоты. Самый низшій изъ четырехъ классовъ, рыбы, весьма богатъ красивыми формами, тогда какъ въ самомъ высшемъ—млекопитающихъ—видное мѣсто занимаютъ такія неэстетическія твари, какъ бегемоты, носороги, киты. Самыя красивыя и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя музыкальныя позвоночныя животныя принадлежатъ къ среднему классу—птицъ, а не къ высшему, да и въ семъ послѣднемъ (у млекопитающихъ) отрядъ, представляющій наивысшую степень зоологическаго развитія—четырерукія (обезьяны), есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самый безобразный. Очевидно, въ животномъ царствѣ красота еще не есть *достигнутая* цѣль, органическія формы существуютъ здѣсь не ради одного своего видимаго совершенства, а служатъ также, и главнымъ образомъ, какъ средство для развитія наиболѣе интенсивныхъ проявленій жизненности, пока наконецъ эти проявленія не уравновѣшиваются и не вхо-

дятъ въ мѣру человѣческаго организма, гдѣ наибольшая сила и полнота внутреннихъ жизненныхъ состояній соединяется съ наисовершеннѣйшею видимою формой въ прекрасномъ женскомъ тѣлѣ, этомъ высшемъ синтезѣ животной и растительной красоты.

Но если міръ животныхъ представляетъ (сравнительно съ растеніями) менѣе пищи для непосредственнаго эстетическаго созерцанія, то для философіи красоты животное царство содержитъ особенно много любопытныхъ и поучительныхъ данныхъ, разработкою которыхъ мы обязаны, конечно, не эстетикамъ по профессіи, а естествоиспытателямъ, и во главѣ ихъ великому Дарвину, въ его сочиненіи о половомъ подборѣ. Хотя его цѣль здѣсь была въ томъ, чтобы подтвердить и дополнить теорію происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе (предметъ посторонній для нашего теперешняго разсужденія), но этимъ не исчерпывается значеніе собранныхъ въ этой книгѣ наблюденій и указаній (какъ принадлежащихъ самому Дарвину, такъ и чужихъ). Многія изъ нихъ интересны и важны для насъ потому, что доказываютъ объективную реальность красоты въ природѣ независимо отъ субъективныхъ человѣческихъ вкусовъ.

VIII.

На каждой новой ступени мірового развитія, съ каждымъ новымъ существеннымъ углубленіемъ и осложненіемъ природнаго существованія открывается возможность новыхъ, болѣе совершенныхъ воплощеній всеединой идеи въ прекрасныхъ формахъ,—но еще только возможность: мы знаемъ, что усиленная степень природнаго бытія сама по себѣ еще не ручается за его красоту, что космогоническій критерій не совпадаетъ съ эстетическимъ, а отчасти даже находится съ нимъ въ прямой противоположности. Оно и понятно: возведенная на высшую степень бытія и этимъ внутренно усиленная, стихійная основа вселенной—слѣпая природная

воля—получаетъ заразъ и способность къ болѣе полному и глубокому подчиненію идеальному началу космоса,—которое въ такомъ случаѣ и воплощаетъ въ ней новую, болѣе совершенную форму красоты,—и вмѣстѣ съ тѣмъ въ хаотической стихіи на этой высшей степени бытія усиливается и противоположная способность сопротивленія идеальному началу съ возможностью притомъ осуществлять это сопротивленіе на болѣе сложномъ и значительномъ матеріалѣ. Красота живыхъ (органическихъ) существъ выше, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *ръже* красоты неодушевленной природы; мы знаемъ, что и положительное безобразіе начинается только тамъ, гдѣ начинается жизнь. Пассивная жизнь растеній представляетъ еще мало сопротивленія идеальному началу, которое и воплощается здѣсь въ красотѣ чистыхъ и ясныхъ, но малосодержательныхъ формъ. Окаменѣвшее въ минеральномъ и дремлющее въ растительномъ царствѣ хаотическое начало впервые пробуждается въ душѣ и жизни животныхъ къ дѣятельному самоутвержденію и противупоставляетъ свою внутреннюю ненасытность объективной идеѣ совершеннаго организма. На кого-то изъ нѣмецкихъ философовъ животныя производили впечатлѣніе сомнамбуловъ; кажется правильнѣе было-бы сравнить ихъ съ помѣшанными и маньяками: далѣе мы увидимъ примѣры мономаній, которыми одержимы цѣлые роды и отдѣлы животныхъ. Какъ-бы то ни было, и въ общей палеонтологической исторіи развитія цѣлаго животнаго царства, и въ индивидуальной эмбріологической исторіи каждаго животнаго организма ясно отпечатлѣлось упорное сопротивленіе оживотвореннаго хаоса высшимъ органическимъ формамъ, отвѣка намѣченнымъ въ умѣ всемірнаго художника, который для достиженія прочныхъ побѣдъ долженъ все болѣе и болѣе съуживать поле битвы. И каждая новая побѣда его открываетъ возможность новаго пораженія: на каждой достигнутой высшей степени организаціи и красоты являются и болѣе сильныя уклоненія, болѣе глубокое безобразіе, какъ высшее потенцированное проявленіе того

первоначальнаго безобразія, которое лежитъ въ основѣ— и жизни, и всего космическаго бытія.

Если съ появленіемъ органическаго вещества, оживленной протоплазмы, въ видѣ простѣйшихъ, большею частью микроскопическихъ животныхъ и растеній, создается почва для новыхъ болѣе прочныхъ и значительныхъ воплощеній міровой идеи въ реальныхъ формахъ красоты, то ясно, что сама по себѣ эта почва никакого положительнаго отношенія къ красотѣ не имѣетъ. Безобразіе міровой основы заявляетъ здѣсь себя на новой ступени частію съ матеріально-пассивной (женственной) стороны—въ первичныхъ растеніяхъ, частію съ активно-хаотической (мужской) стороны— у первичныхъ животныхъ. Зачатки всего животнаго царства такъ-же некрасивы, какъ и зачатокъ отдѣльнаго животнаго организма, хотя-бы самаго высшаго. Первичныя животныя носятъ въ зоологіи характеристичное названіе безобразныхъ или безформенныхъ — amorphozoa. И безъ всякаго сомнѣнія это подвижное копошащееся безобразіе отвратительнѣе спокойной безформенности первичныхъ растеній. Но, разумѣется, самая простота и мелкость этихъ животныхъ протистовъ не позволяетъ имъ быть настоящимъ типомъ животнаго безобразія. Для этого одной простой безформенности недостаточно, а нужна отвратительная форма. Такую положительно безобразную форму, служащую въ болѣе или менѣе открытомъ видѣ основою всѣхъ животныхъ организацій, мы находимъ въ *червѣ*.

Форма червя, какъ уже было выше замѣчено, есть прямое выраженіе, *обнаженное* воплощеніе двухъ основныхъ животныхъ инстинктовъ—полового и питательнаго во всей ихъ безмѣрной ненасытности. Всего яснѣе это въ тѣхъ внутренностныхъ червяхъ, которые питаются всѣмъ своимъ существомъ, всею поверхностью своего тѣла чрезъ эндосмосъ (всасываніе) и затѣмъ не представляютъ никакихъ органовъ, кромѣ половыхъ, а эти послѣдніе своимъ сильнымъ развитіемъ и сложнымъ строеніемъ являютъ поразительный контрастъ съ крайнимъ упрощеніемъ всей остальной орга-

низаціи. Таковы, напримѣръ, acanthocephali, у которыхъ, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи органовъ чувствъ, нѣтъ ни рта, ни кишки, ни anus'a, и на такомъ дефективномъ фонѣ ярко выдѣляются, по выраженію Клауса, „мощные половые органы“ *). Этому непомѣрному анатомическому развитію половыхъ органовъ соотвѣтствуютъ и нѣкоторыя чудовищныя явленія въ самой половой жизни, во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ. Такъ у Distomum haematobium (въ отрядѣ trematodes distomidae) самецъ, будучи хотя толще, но короче самки, носитъ эту послѣднюю всегда при себѣ въ особомъ углубленіи своей брюшной стороны **). Противуположное и еще болѣе чудовищное явленіе представляетъ trichosomum crassicauda (отр. Nematodes), у котораго, по наблюденіямъ Лейкарта, очень малорослые самцы, по два или по три, а иногда по четыре и по пяти живутъ вмѣстѣ внутри маточной полости самки.—Въ классѣ кольчатыхъ червей безобразіе основного типа смягчается нѣсколько болѣе сложною организаціей, но и у нихъ непомѣрное развитіе и разнообразіе половыхъ органовъ (особенно въ отрядѣ oligochaetae) ***) не допускаетъ идею жизни до гармоническаго воплощенія.—Основной типъ червя на болѣе высокой ступени организаціи явно сохраняется и у моллюсковъ, которыхъ Линней прямо относилъ къ vermes, и не безъ основанія. „Съ тѣхъ поръ, какъ организація и развитіе этихъ животныхъ стали болѣе извѣстны, оказывается, что они дѣйствительно имѣютъ отношеніе къ червямъ“ ****). Между прочимъ „по формѣ, рѣсничатымъ покровамъ и организаціи, личинки моллюсковъ имѣютъ много общаго съ трихофорой или Ловеновской личинкой, свойственной многимъ червямъ“ *****). Впрочемъ, съ эстетической точки зрѣнія у тѣхъ видовъ моллюсковъ, которые въ

*) Claus: Зоологія (русск. перев. Одесса. 1888), томъ I, стр. 345.
**) Ibid., 315.
***) Ibid., 367.
****) Claus: Зоологія, томъ II, стр. 1.
*****) Ibid., стр. 6.

своемъ развитіи проходятъ черезъ стадію личинокъ, вполнѣ развившееся животное нисколько не превосходитъ свою личинку.—Не то видимъ мы у насѣкомыхъ, у которыхъ червеобразная основная форма (находящаяся, по новѣйшимъ научнымъ мнѣніямъ, въ генетическомъ сродствѣ съ кольчатыми [червями) *) въ своемъ обнаженномъ безобразіи сохраняется только на стадіи личинки, а въ развившемся животномъ прячется подъ болѣе или менѣе красивыми окрыленными покровами.

Основной червь, у насѣкомыхъ прикрытый снаружи, *вбирается внутрь* у позвоночныхъ животныхъ: ихъ *чрево* есть тотъ-же червь не только въ этимологическомъ, но и въ зоогеническомъ смыслѣ. Этотъ вобранный внутрь червь у нѣкоторыхъ позвоночныхъ животныхъ, принадлежащихъ къ классамъ рыбъ и земноводныхъ, опять получаетъ такое преобладаніе, что сообщаетъ свою форму всему тѣлу животнаго. Таковы въ особенности змѣи, которыя изо всѣхъ позвоночныхъ животныхъ суть самыя похожія на червя, а потому и самыя отвратительныя. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что это возвращеніе къ червеобразной наружности связано у этихъ животныхъ и съ внутреннимъ уподобленіемъ червю, т.-е. съ новымъ потенцированнымъ самоутвержденіемъ злой жизни въ ея кровожадномъ и сладострастномъ инстинктѣ.

Преобладаніе слѣпой и безмѣрной животности надъ идеей организма, т.-е. внутренняго и наружнаго равновѣсія жизненныхъ элементовъ,—это преобладаніе матеріи надъ формой, наглядно выражаемое въ типической фигурѣ червя, есть лишь главная основная причина безобразія въ животномъ царствѣ. Къ ней присоединяются еще двѣ другія также общаго характера. Мы знаемъ, что безформенность, или неустойчивость формы сама по себѣ есть нѣчто безразличное въ эстетическомъ смыслѣ (напр. безформенныя и безцвѣтныя облака). Но когда въ животномъ царствѣ безформенность является

*) Ibid., томъ I, стр. 583.

на такихъ его ступеняхъ, которыя уже предполагаютъ болѣе или менѣе сложную и устойчивую организацію, то такое возвращеніе къ элементарной протоплазмѣ, будучи въ прямомъ противорѣчіи съ данной органическою идеей, становится источникомъ положительнаго безобразія. Напримѣръ улитки и другіе слизняки, кромѣ того, что они еще довольно явно сохраняютъ безобразный типъ червя, отвратительны также и по своей первобытной безформенности и мягкотѣлости, совершенно не соотвѣтствующей ихъ сравнительно сложной внутренней организаціи. Та-же причина,—преобладаніе безформенной массы, дѣлаетъ некрасивыми и такихъ высшихъ животныхъ, какъ киты и тюлени. Впрочемъ, поскольку это зависитъ здѣсь отъ чрезмѣрнаго накопленія жира, слѣдовательно отъ излишняго питанія,—наша вторая причина зоологическаго безобразія (возвратная безформенность) совпадаетъ съ первою (неистовость животнаго инстинкта). Это вполнѣ ясно въ случаѣ тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя *становятся* безформенными и безобразными вслѣдствіе искусственнаго откармливанія. Третья причина безобразія въ животномъ царствѣ, и именно у нѣкоторыхъ высшихъ (позвоночныхъ) животныхъ (лягушки, обезьяны) состоитъ въ томъ, что они, оставаясь вполнѣ животными, похожи на человѣка и представляютъ какъ-бы карикатуру на него. Здѣсь нельзя видѣть только одно субъективное впечатлѣніе, ибо, помимо нагляднаго сравненія съ человѣкомъ, у этихъ животныхъ замѣчается дѣйствительное анатомическое предвареніе (антиципація) высшей формы, которой не соотвѣтствуютъ остающіяся черты низшей организаціи, и это-то несоотвѣтствіе или дисгармонія и составляетъ объективную причину ихъ безобразія.

Подъ указанныя три формальныя причины или категоріи: 1) непомѣрное развитіе матеріальной животности, 2) возвращеніе къ безформенности и 3) каррикатурное предвареніе высшей формы,—могутъ быть подведены всѣ проявленія животнаго безобразія въ его безчисленныхъ конкретныхъ видоизмѣненіяхъ и оттѣнкахъ. Но и эти три причины

въ сущности могутъ быть сведены къ одной, именно — къ сопротивленію, которое матеріальная основа жизни на разныхъ ступеняхъ зоогоническаго процесса оказываетъ организующей силѣ идеальнаго космическаго начала. Теперь намъ нужно разсмотрѣть, какими способами преодолѣвается это сопротивленіе и создается красота въ животной природѣ.

IX.

Чтобы въ области той жизни, основная матерія которой есть безформенная слизь, а типическій представитель—червь, воплотить идеальную красоту, міровому художнику пришлось много и долго поработать. До появленія животной жизни земная матерія уже послужила къ воплощенію двоякой красоты—минеральной и растительной. И вотъ мы видимъ, что и въ животномъ царствѣ, прежде чѣмъ внутренно преодолѣть активное сопротивленіе одушевленной матеріи и переродить ее въ прекрасныя формы высшихъ животныхъ организмовъ, космическій зодчій пользуется зоологическимъ матеріаломъ для произведенія новыхъ видовъ прежней красоты, не имѣющихъ специфически животнаго характера, а частію принадлежащихъ къ области неорганической, частію-же напоминающихъ растительныя формы. И, вопервыхъ, некрасивые, болѣе или менѣе червеобразные полипы создаютъ цѣлые лѣса прекрасныхъ коралловъ, которые по своему составу изъ неорганическаго вещества должны быть отнесены къ числу минераловъ, а по видимой формѣ похожи на деревья и цвѣты. Въ меньшихъ размѣрахъ то-же стремленіе воспроизвести наружнымъ образомъ минерально-растительную красоту на основѣ животной матеріи замѣчается въ такъ-называемыхъ морскихъ звѣздахъ, морскихъ лиліяхъ и т. п. Далѣе безобразные моллюски, оставаясь при всей своей отвратительной безформенности, порождаютъ твердую неорганическую красоту многоцвѣтныхъ и многообразныхъ раковинъ, и наконецъ одно изъ этихъ животныхъ выдѣляетъ драгоцѣнный жемчугъ.

Здѣсь у моллюсковъ, также какъ у полиповъ, животная

жизнь производитъ красоту лишь какъ наружное неорганическое отложеніе и облекается въ нее чисто внѣшнимъ образомъ, какъ въ свое жилище, а не въ собственную свою форму. То-же до извѣстной степени можно сказать и о роговыхъ отложеніяхъ у нѣкоторыхъ высшихъ животныхъ, каковы черепахи; послѣднее проявленіе этого рода животнаго зодчества мы находимъ въ классѣ млекопитающихъ, у такъ-называемаго броненосца, гдѣ оно впрочемъ теряетъ свое эстетическое значеніе.

Другое менѣе поверхностное отношеніе между красивымъ облаченіемъ и производящимъ его для себя животнымъ мы находимъ у окрыленныхъ насѣкомыхъ. Вмѣсто неорганическихъ построекъ, каковы коралы для полипа или раковины для моллюска, крылья бабочекъ или жуковъ суть нераздѣльные органическіе придатки къ ихъ тѣлу, къ которому они относятся приблизительно также, какъ цвѣты къ растенію. Подобно тому, какъ въ цвѣткѣ (явнобрачныя) растенія имѣютъ свои половые органы, точно также и эти насѣкомыя только въ окрыленной своей стадіи достигаютъ половой зрѣлости и спариваются между собою.—Какъ по органическому составу и сложному строенію самихъ крыльевъ, такъ и по ихъ опредѣленному и тѣсному морфологическому отношенію къ остальному тѣлу насѣкомаго, мы должны признать здѣсь эстетическое дѣйствіе образующаго идеальнаго начала на животную матерію существенно болѣе глубокимъ и важнымъ, нежели каково оно въ неорганическихъ и внѣшнихъ для самого животнаго тѣла раковинахъ и кораллахъ. Однако и самая красивая бабочка есть не болѣе какъ окрыленный червь. Если здѣсь дуализмъ между прекрасною формой и безобразіемъ животной матеріи и не выражается во всей своей силѣ въ видѣ *двухъ* отдѣльныхъ и разнородныхъ *тѣлъ*, какъ въ моллюскѣ и его раковинѣ, то все-таки эта двойственность не побѣждена здѣсь даже видимымъ образомъ, по скольку прекрасныя крылья и червеобразное туловище составляютъ *двѣ* рѣзко выдѣляющіяся, хотя и органически сросшіяся *половины* въ тѣлѣ насѣкомаго.

Эта двойственность прекрасной формы и безобразной матеріи преодолѣвается наконецъ въ пользу первой, по крайней мѣрѣ въ наружномъ видѣ, у позвоночныхъ животныхъ, которые, вбирая въ себя своего червя (или свое чрево), дѣлаютъ его совсѣмъ незамѣтнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся поверхность ихъ тѣла тѣсно облекается болѣе или менѣе красивымъ покровомъ (чешуя, перья, шерсть и мѣхъ). Въ тѣхъ случаяхъ, когда такіе покровы у позвоночныхъ животныхъ отсутствуютъ, какъ напримѣръ у лягушекъ, эта обнаженность есть одна изъ причинъ ихъ безобразія (сверхъ той, которая указана выше).

Космическій художникъ знаетъ, что основа животнаго тѣла безобразна, и старается всячески прикрыть и прикрасить ее. Его цѣль не въ томъ, чтобы уничтожить или устранить безобразіе, а въ томъ, чтобы оно само сначала облеклось красотою, а потомъ и превратилось въ красоту. Поэтому онъ тайными внушеніями, которыя мы называемъ инстинктомъ, побуждаетъ самихъ животныхъ изъ собственной ихъ плоти и крови создавать всякія красивыя оболочки; онъ заставляетъ слизняка залѣзать въ имъ самимъ устроенную и причудливо разукрашенную раковину, которая для своего утилитарнаго назначенія (предполагая таковое) вовсе не нуждалась въ этомъ красивомъ видѣ; онъ понуждаетъ отвратительную гусеницу надѣть на себя выращенныя ею самою пестрыя крылья, а рыбъ, птицъ и звѣрей—совсѣмъ зашить себя въ блестящую чешую, разноцвѣтныя перья, гладкую шерсть и пушистый мѣхъ.

Но высшія животныя,—птицы и еще болѣе нѣкоторыя млекопитающія (семейство кошачьихъ, также олени, серны, лани и т. д.), помимо красивыхъ наружныхъ покрововъ, представляютъ и во всемъ своемъ тѣлесномъ видѣ прекрасное воплощеніе идеи жизни,—стройной силы, гармоническаго соотношенія частей и свободной подвижности цѣлаго. Подъ это идеальное опредѣленіе подходятъ всѣ многочисленные типы и оттѣнки животной красоты, перечисленіе и описаніе которыхъ не входитъ въ нашу задачу. Это есть дѣло опи-

сательной зоологіи. Также должны мы оставить въ сторонѣ и вопросъ о томъ, какими путями образующая сила мірового художника доводила природу до созданія прекрасныхъ животныхъ формъ: этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшаемъ только метафизическою космогоніей. Наше эстетическое разсужденіе о красотѣ въ природѣ мы можемъ закончить указаніемъ тѣхъ явленій, которыя, какъ выше замѣчено, эмпирически подтверждаютъ объективный характеръ этой красоты.

X.

Явленія полового подбора, наблюдавшіяся Дарвиномъ и другими естествоиспытателями, совершенно недостаточны для объясненія красоты всѣхъ животныхъ формъ: они относятся почти исключительно лишь къ наружнымъ украшеніямъ, или орнаментальной красотѣ у различныхъ животныхъ. Но здѣсь дѣло не въ собственной важности объясняемыхъ явленій, а въ несомнѣнномъ доказательствѣ самостоятельнаго объективнаго значенія эстетическаго мотива, хотя бы въ самыхъ поверхностныхъ его выраженіяхъ.

Въ то время, какъ многіе прямолинейные умы старались свести къ утилитарнымъ основамъ человѣческую эстетику въ интересахъ позитивно-научнаго міровоззрѣнія, величайшій въ нашемъ вѣкѣ представитель этого самаго міровоззрѣнія показалъ независимость эстетическаго мотива отъ утилитарныхъ цѣлей даже въ животномъ царствѣ и чрезъ это впервые положительно обосновалъ истинно-идеальную эстетику. Этой неотъемлемой заслуги достаточно было-бы, чтобы обезсмертить имя Дарвина, еслибы онъ даже не былъ авторомъ теоріи происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе,—теоріи, точно опредѣлившей и подробно прослѣдившей одинъ изъ важнѣйшихъ матеріальныхъ факторовъ мірового процесса.

Жизнь животнаго опредѣляется двумя главными интересами: поддерживать себя посредствомъ питанія и увѣковѣчивать свой видъ посредствомъ размноженія. Эта послѣдняя

цѣль, разумѣется, не существуетъ въ сознаніи самого животнаго, а достигается природою косвенно чрезъ возбужденіе полового влеченія въ разнополыхъ особяхъ. Но космическій художникъ пользуется этимъ половымъ влеченіемъ не только для увѣковѣченія, но и для украшенія данныхъ животныхъ формъ. Особи активнаго пола, самцы преслѣдуютъ самку и вступаютъ изъ-за нея въ борьбу другъ съ другомъ; и вотъ оказывается, говоритъ Дарвинъ, вопреки всякому предвидѣнію, что способность различнымъ образомъ *прельщать* самку имѣетъ въ извѣстныхъ случаяхъ бо̀льшее значеніе, нежели способность побѣждать другихъ самцовъ въ открытомъ бою *).

Это стремленіе *прельщать* обнаруживается у животныхъ даже тамъ, гдѣ его всего менѣе можно было-бы ожидать. „Quiconque a eu l'occasion, говоритъ Агассицъ, d'observer les amours des limaçons, ne saurait mettre en doute la séduction déployée dans les mouvements et les allures qui préparent et accomplissent le double embrassement de ces hermaphrodites“ **). Въ чемъ собственно состоитъ здѣсь взаимное прельщеніе и служитъ-ли оно къ какому-нибудь украшенію этихъ слизняковъ,—ни Агассицъ, ни Дарвинъ не объясняютъ. Но если дѣйствительно улитки плѣняютъ другъ друга своими аллюрами, то другіе, болѣе зрячіе моллюски еще легче могутъ оказывать подобное дѣйствіе красотою своихъ раковинъ. Дѣло яснѣе у ракообразныхъ (crustacea) и у пауковъ. Здѣсь самцы нѣкоторыхъ видовъ пріобрѣтаютъ во время половой зрѣлости яркую и разнообразную окраску, какой не имѣли прежде и какая отсутствуетъ у самокъ ***).

„Всякій путешествовавшій въ тропическихъ лѣсахъ бывалъ пораженъ звономъ, который производятъ цикады самцы. Самки-же безмолвствуютъ, какъ уже и греческій поэтъ Ксенархъ замѣтилъ: — Въ счастьи живутъ цика-

*) Дарвинъ: „Происх. челов. и полов. подборъ“. Нѣмецк. переводъ Виктора Каруса. Штуттгартъ 1871. Томъ I, стр. 246—7.

**) Agassiz: „De l'Espèce et de la Classification“. 1869, p. 106.

***) Дарвинъ, о. с. I, 301—3.

ды: у всѣхъ у нихъ жены безгласны" *). Фрицъ Мюллеръ пишетъ Дарвину изъ южной Бразиліи, что онъ часто присутствовалъ при музыкальномъ состязаніи между двумя или тремя самцами цикады, имѣвшими особенно звонкій голосъ и сидѣвшими на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Какъ только одинъ кончалъ свою пѣсню, такъ сейчасъ-же начиналъ другой, и такимъ образомъ они все время чередовались между собою. Такъ какъ здѣсь, справедливо замѣчаетъ Дарвинъ, обнаруживается столько соперничества между самцами, то весьма вѣроятно, что самки не только распознаютъ ихъ по издаваемымъ ими звукамъ, но что онѣ, подобно птичьимъ самкамъ, прельщаются или возбуждаются тѣмъ изъ самцовъ, который обладаетъ самымъ привлекательнымъ голосомъ **).

У насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ отряду *Neuroptera*, замѣчается не только особенное окрашеніе крыльевъ у самцовъ передъ спариваніемъ, но наблюдалось у разныхъ видовъ предпочтеніе того или другого цвѣта ***). Этотъ послѣдній фактъ важенъ, потому что показываетъ воспріимчивость этихъ насѣкомыхъ къ зрительнымъ впечатлѣніямъ, какъ таковымъ, независимо отъ какого-нибудь ихъ утилитарнаго значенія, котораго въ данномъ случаѣ невозможно указать. Такую-же эстетическую воспріимчивость слѣдуетъ приписать жукамъ (*coleoptera*), у которыхъ крылья не только окрашены блестящими металлическими красками, но часто и разрисованы полосками, кружками, крестиками и другими изящными узорами,—и все это только у *зрячихъ* видовъ, слѣпые же *никогда* не имѣютъ разукрашенныхъ или разрисованныхъ крыльевъ ****). Въ этомъ-же отрядѣ насѣкомыхъ у нѣкоторыхъ видовъ самцы отличаются огромными и весьма измѣнчивыми и причудливыми рогами, которые, какъ доказываетъ Дарвинъ, несомнѣнно имѣютъ характеръ *украшенія* для прельще-

*) Тамъ-же, стр. 313.
**) Дарв. I, 314.
***) Ibid. 323—4.
****) Дарв. I, 327.

нія самокъ *). Тому-же назначенію служатъ и особые органы для произведенія звука, замѣчаемые у нѣкоторыхъ видовъ **).

Въ отрядѣ *Lepidoptera* (бабочки) красота ихъ крыльевъ, которую, у нѣкоторыхъ тропическихъ видовъ ***), по выраженію Дарвина, невозможно описать словами, представляетъ тотъ-же самый характеръ, ибо несомнѣнно, что именно самцы преимущественно отличаются и блестящею красотою и разнообразіемъ своихъ крыльевъ, тогда какъ самки сравнительно безцвѣтны и монотонны. Это уже одно показываетъ, что красота крыльевъ не можетъ служить утилитарнымъ цѣлямъ *защиты* въ борьбѣ за существованіе (чрезъ уподобленіе насѣкомаго цвѣтку, на которомъ оно сидитъ, и т. п.), ибо въ такой защитѣ самки нуждаются никакъ не менѣе самцовъ. Впрочемъ есть факты прямо показывающіе, что утилитарная цѣль здѣсь сама по себѣ, а эстетически-половая сама по себѣ. А именно у многихъ видовъ замѣчается, что нижняя поверхность крыльевъ, т.-е. та, которая обращена наружу въ сидячемъ, наиболѣе опасномъ положеніи, окрашена совершеннно подъ цвѣтъ тѣмъ растеніямъ, на которыя бабочка садится (явно ради защиты), тогда какъ верхняя поверхность, которую порхающій самецъ показываетъ самкѣ во время ухаживанья, раскрашена и разрисована съ такимъ причудливымъ изяществомъ, которое не можетъ имѣть никакого отношенія къ цѣлямъ защиты****). Читатель можетъ найти у самого Дарвина еще много другихъ частныхъ доказательствъ, оставляющихъ внѣ сомнѣнія преобладающее здѣсь дѣйствіе чисто-эстетическаго фактора *****).

Неравнодушны къ красотѣ и рыбы. Этимъ только объясняется, что у многихъ видовъ этого класса самцы (вообще болѣе красивые, чѣмъ самки) развиваютъ во время спарива-

---

*) Ibid. 331.

**) Ibid. 340—341.

***) Ibid. 345.

****) *Дарв.* I, 349.

*****) Ibid. стр. 350, 354—7, 359, 362—364, 375, 376.

нія особую красоту цвѣтовъ и формъ *). Сверхъ того, вопреки общему мнѣнію о нѣмотѣ рыбъ, нѣкоторые виды (напр. Umbrina) обнаруживаютъ несомнѣнныя музыкальныя способности и трубятъ весьма громко и благозвучно,—опять таки только самцы и только въ эпоху спариванія **).

Самцы тритоновъ плѣняютъ своихъ подругъ красивыми гребнями, а у лягушекъ только самцы-же, и лишь во время ухаживанія, даютъ свои концерты, которые у нѣкоторыхъ американскихъ породъ отличаются истинною музыкальностью и доставляютъ эстетическое наслажденіе не одному лягушечьему, а также и человѣческому уху ***). Въ одномъ родѣ ящерицъ *(Sitana)* горло самцовъ снабжено большимъ, ярко окрашеннымъ (во время спариванья) кожанымъ придаткомъ, который они распускаютъ какъ вѣеръ передъ самками ****). Наиболѣе эстетическій (и въ зрительномъ и въ звуковомъ отношеніи) классъ птицъ представляетъ великое обиліе фактовъ, доказывающихъ самостоятельное значеніе красоты для этихъ животныхъ. Почти всѣ они основываютъ свои брачные успѣхи на обнаруженіи того или другого эстетическаго свойства, причемъ замѣчается, что блестящая окраска и способность къ благозвучному пѣнію обыковенно не совпадаютъ, но слабость одного изъ этихъ преимуществъ возмѣщается развитіемъ другого *****). Всего любопытнѣе у птицъ то, что онѣ явно сознательно относятся къ своей красотѣ и тщеславятся ею не только передъ самками, но и передъ посторонними наблюдателями. Самъ Дарвинъ нерѣдко видѣлъ, какъ павлинъ щеголялъ своимъ уборомъ не только передъ курами, но и передъ свиньями. Всѣ естествоиспытатели, внимательно наблюдавшіе птицъ какъ въ состояніи природы, такъ и въ неволѣ, единогласно утверждаютъ, что самцы находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы выставлять напоказъ свою

*) *Дарв.* томъ II, стр. 6, 7, 11, 12, 13.
**) Ibid. 19, 20.
***) *Дарв.* II, 23.
****) Ibid. 27.
*****) Ibid. 48.

красоту *). У многихъ видовъ сложныя украшенія самцовъ не только не могутъ имѣть никакого утилитарнаго значенія, но прямо вредны, ибо развиваются въ ущербъ ихъ удобоподвижности,—мѣшаютъ имъ летать или бѣгать, выдаютъ ихъ головою преслѣдующему врагу; но, очевидно, для нихъ красота дороже самой жизни **). Чисто созерцательная воспріимчивость нѣкоторыхъ птицъ къ красотѣ цвѣтовъ доказывается тѣмъ, что они обращаютъ вниманіе и любуются яркими цвѣтами не на себѣ подобныхъ только, а гдѣ-бы ихъ ни встрѣтили, напр. на дамскихъ платьяхъ или шляпахъ ***). Старательное украшеніе гнѣздъ нѣкоторыми птицами, напримѣръ колибри, которые отдѣлываютъ ихъ съ самымъ тонкимъ вкусомъ, также несомнѣнно доказываетъ у птицъ присутствіе объективно-эстетическаго чувства ****). Иногда это чувство даже заставляетъ ихъ впадать въ предосудительныя крайности. Такъ самка южно-африканскаго вида *Chera progne* покидаетъ самца, если онъ случайно потерялъ длинныя хвостовыя перья, которыми онъ украшается въ эпоху спариванья. Подобное-же легкомысліе наблюдалъ д-ръ Іегеръ въ Вѣнѣ у серебряныхъ фазановъ *****).

Достаточно будетъ для насъ этихъ немногихъ указаній изъ массы однородныхъ фактовъ, собранныхъ Дарвиномъ. Смыслъ этихъ фактовъ столь-же простъ, сколько значителенъ. Человѣкъ находитъ извѣстныя явленія въ природѣ красивыми, они доставляютъ ему эстетическое наслажденіе; большинство философовъ и ученыхъ увѣрены, что это есть лишь фактъ субъективнаго *человѣческаго* сознанія, что въ *самой* природѣ нѣтъ красоты, также какъ въ ней нѣтъ добра и правды. Но вотъ оказывается, что тѣ самыя сочетанія формъ, цвѣтовъ и звуковъ, которыя нравятся въ природѣ человѣку, нравятся также и самимъ существамъ природы—

---

*) *Дарв.* II. 74, 76, 77, 78.

**) Ibid. 83.

***) *Дарв.* II, 96.

****) Ibid. 97.

*****) Ibid. 105.

животнымъ всевозможныхъ типовъ и классовъ, нравятся имъ такъ сильно, имѣютъ для нихъ столь важное значеніе, что поддержаніе и развитіе этихъ безполезныхъ, а иногда и вредныхъ (въ утилитарномъ смыслѣ) особенностей ложится въ основу ихъ видового существованія. Мы уже никакъ не можемъ сказать, что крылья тропической бабочки или павлиній хвостъ красивы только по нашей субъективной оцѣнкѣ, ибо точно также цѣнятъ ихъ красоту самки бабочки и павлины. Но въ такомъ случаѣ необходимо идти дальше. Ибо, допустивши, что павлиній хвостъ красивъ объективно, настаивать на томъ, что красота радуги или алмаза имѣетъ лишь субъективно-человѣческій характеръ, было-бы верхомъ нелѣпости. Разумѣется, если въ данномъ частномъ случаѣ вовсе нѣтъ никакого чувствующаго субъекта, то нѣтъ и ощущенія красоты; но дѣло не въ ощущеніи, а въ свойствѣ *предмета*, способнаго производить однородныя ощущенія въ самыхъ различныхъ субъектахъ. Если-же вообще красота въ природѣ объективна, то она должна имѣть и нѣкоторое общее онтологическое основаніе, должна быть—на разныхъ ступеняхъ и въ разныхъ видахъ—чувственнымъ воплощеніемъ одной абсолютно-объективной всеединой идеи.

Космическій умъ въ явномъ противоборствѣ съ первобытнымъ хаосомъ и въ тайномъ соглашеніи съ раздираемою этимъ хаосомъ міровою душою или природою,—которая все болѣе и болѣе поддается мысленнымъ внушеніямъ зиждительнаго начала,—творитъ въ ней и чрезъ нее сложное и великолѣпное тѣло нашей вселенной. Твореніе это есть *процессъ*, имѣющій двѣ тѣсно между собою связанныя цѣли, общую и особенную. Общая есть воплощеніе реальной идеи, т. е. *свѣта* и *жизни*, въ различныхъ формахъ природной красоты; особенная-же цѣль есть созданіе человѣка, т. е. той формы, которая вмѣстѣ съ наибо́льшею тѣлесною красотою представляетъ и высшее внутреннее потенцированіе свѣта и жизни, называемое самосознаніемъ. Уже въ мірѣ животныхъ, какъ мы сейчасъ видѣли, общая космическая цѣль достигается при ихъ собственномъ участіи и

содѣйствіи, чрезъ возбужденіе въ нихъ извѣстныхъ внутреннихъ стремленій и чувствъ. Природа не устрояетъ и не украшаетъ животныхъ какъ внѣшній матерьялъ, а заставляетъ ихъ самихъ устроять и украшать себя. Наконецъ человѣкъ уже не только участвуетъ въ дѣйствіи космическихъ началъ, но способенъ *знать цѣль* этого дѣйствія и слѣдовательно трудиться надъ ея достиженіемъ осмысленно и свободно. Какъ человѣческое самосознаніе относится къ самочувствію животныхъ, такъ красота въ искусствѣ относится къ природной красотѣ.

Владиміръ Соловьевъ.